

Платонъ Кулаковскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПОПЫТОКЪ

РѢШЕНІЯ ВОПРОСА ОБЪ

ЕДИНОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКѢ

У СЛАВЯНЪ.

(Изъ „Меѳодіевскаго Юбилейнаго Сборника").

ВАРШАВА.

1885.

Kulakovskii, V. P. 257.

Платонъ Кулаковскій.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ПОПЫТОКЪ

РѢШЕНІЯ ВОПРОСА ОБЪ

ЕДИНОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЯЗЫКѢ

У СЛАВЯНЪ.

(*Изъ „Меѳодіевскаго Юбилейнаго Сборника"*).

ВАРШАВА.

1885.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

3 Апрѣля 1885 года.

Ректоръ ***Н. Лавровскій.***

Въ Типографіи К. Ковалевскаго, Варшава, Королевская улица № 23.

...Языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова.—

Разидеся Словѣньскій языкъ: тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.

Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Симь бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.

А Словѣнескъ языкъ и Рускый единъ...

(*Лѣтопись Нестора*).

Исторія европейской цивилизаціи мало можетъ указать столь свѣтлыхъ и великихъ дѣятелей, каковы были просвѣтители Славянъ—святые братья Кириллъ и Меѳодій. Если въ общей исторіи христіанской церкви эти проповѣдники истины Христовой среди Славянъ могутъ быть сравниваемы съ величайшими подвижниками, миссіонерами Христіанства среди язычниковъ, то въ исторіи культуры трудно указать равныхъ имъ гигантовъ, просвѣтительная дѣятельность которыхъ оставила бы столь великіе слѣды. Святые Кириллъ и Меѳодій не только насадители Христіанства среди Славянъ-язычниковъ,—они величайшіе дѣятели въ исторіи развитія Славянскаго самосознанія и охранители Славянской самобытности. Со времени дѣятельности святыхъ братьевъ-Солунцевъ можно начинать исторію Славянъ какъ политическую, такъ и литературную. Въ то время, когда проповѣдь Христіанства, шедшая къ Славянамъ изъ Рима чрезъ посредство Нѣмцевъ,

всегда имѣла скрытыя заднія цѣли амальгамировать народы, отнявъ у нихъ и языкъ, и надежды на національное, особное развитіе, въ то время, когда Западъ ширилъ христіанскія истины среди народовъ огнемъ и мечемъ, святые Кириллъ и Меѳодій съ востока несли къ Славянамъ мирную проповѣдь вѣры и любви на ихъ языкѣ.

Проповѣдуя Славянамъ слово Божіе на Славянскомъ же языкѣ, понятномъ даже по истеченіи тысячелѣтія всѣмъ Славянскимъ разновидностямъ, святые Кириллъ и Меѳодій положили начало идеѣ литературнаго единства Славянскихъ народностей, столь разъединенныхъ между собою въ дальнѣйшей своей исторіи.

Единство церковное, насажденное ими у Славянъ, не удержалось, не сохранилась единая церковная книга, данная Первоучителями Славянамъ, не сохранился и языкъ ея, вызванный къ культурной жизни великими проповѣдниками истины Христовой среди Славянъ. Немного прошло времени послѣ ихъ кончины, какъ Славяне раздѣлились по своей религіи между Византіей, сохранившей чистоту христіанскихъ ученій, и Римомъ, уклонившимся отъ преданій и ученій первоначальной Христовой церкви. Всѣ тѣ Славянскія народности, которыя подпали подъ господство Римской церкви, скоро забыли о Славянскомъ богослуженіи Кирилла и Меѳодія и единомъ языкѣ Славянской книги. Ничѣмъ не связанныя между собою, раздѣленныя поселившимися среди нихъ чуждыми Славянамъ народностями, эти Славяне оказались слабыми и въ борьбѣ за сохраненіе своей самостоятельности какъ политической, такъ и духовной. Проповѣдь Христіанства, шедшая по благословенію Ватикана, несла къ Славянамъ требованье отречься отъ самихъ себя въ пользу чужой народности, не славянской. Такъ гибли многочисленныя племена Полабскихъ Славянъ, на костяхъ которыхъ основаны величіе и сила нынѣшней Германской Имперіи,—такъ и въ наше время медленно, но постепенно отчуждаются отъ Славянской семьи и гибнутъ Славяне на нѣкоторыхъ окраинахъ, сливаясь то съ Нѣмцами, то съ Мадьярами, то съ Итальянцами. Римъ, внеся мечъ въ Славянскую жизнь, посѣялъ разладъ между Славянскими

народностями, а его претензіи на исключительное господство въ мірѣ должны были отразиться и на отношеніяхъ Славянъ между собою. Тамъ, гдѣ теперь сойдутся близко двѣ славянскія народности, хотя бы чрезвычайно тѣсно связанныя между собою по крови и по языку, но различныя по вѣроисповѣданію, происходитъ борьба между ними и теперь. Таковы, напримѣръ, отношенія между Хорватами - католиками и Сербами - православными. Отождествленіе вѣроисповѣданія съ народностью ведетъ ко многимъ раздорамъ въ Славянской семьѣ и замѣчается въ наше время лишь у Славянъ: стоитъ лишь православному Сербу стать католикомъ или католику Хорвату принять православіе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнить свое народное имя, хотя съ перемѣной вѣроисповѣданія не произошло перемѣнъ ни въ языкѣ, ни въ одеждѣ, ни въ обычаяхъ...

Въ полномъ разнообразіи Славянской жизни, кажется, не осталось ничего такого, что предвѣщалобы возможность полнаго возврата славянства къ совершенному объединенію во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая народность жила своею особою жизнью, подвергалась различнымъ испытаніямъ и превратностямъ судьбы, была лишена прочныхъ связей съ остальными Славянскими народностями. Но сознаніе общеплеменнаго единства жило у Славянъ всегда, такъ сказать, въ народныхъ инстинктахъ, и можно указать въ исторіи Славянъ отдѣльные моменты, свидѣтельствующіе, что Славянскія народности по временамъ поддерживали связи другъ съ другомъ, а болѣе энергичные и идеальные умы старались проникнуть въ глубь грядущихъ вѣковъ и отгадать формы даже политическаго объединенія Славянъ. Если древнѣйшіе славянскіе лѣтописцы и хронисты указываютъ на единство происхожденія всѣхъ Славянъ, то въ позднѣйшія времена Славянскія народности въ трудные моменты своей исторической жизни обращали свои взоры съ надеждою на помощь къ болѣе счастливымъ своимъ родичамъ. Сербская народная пѣсня отсылаетъ въ Россію посохъ св. Саввы Неманича и крестовое знамя царя Лазаря, павшаго въ роковой для Сербскаго царства битвѣ съ Турками на Косовомъ полѣ, а хорватскій католическій священникъ Юрій Крижаничъ убѣждаетъ царя Алексѣя Михай-

ловича освободить юго-Славянъ отъ Турецкаго ига... Мысль о возможности политическаго объединенія всего Славянства возникла подъ вліяніемъ печальныхъ историческихъ событій въ жизни Славянской семьи и можетъ быть поэтому названа сравнительно новою и недавнею.

Но иной источникъ и иное значеніе имѣетъ мысль объ единствѣ литературнаго языка у Славянъ. Она можетъ быть названа завѣтомъ святыхъ Славянскихъ Апостоловъ, дошедшимъ и сохраненнымъ до нашего времени, не смотря на потерю единства церковнаго. Общеславянскій характеръ языка, на которомъ проповѣдывалось Славянамъ Евангеліе, служитъ всему Славянству великимъ указаніемъ, къ чему Славяне должны стремиться, если въ самомъ дѣлѣ имъ суждено играть видную роль въ исторіи міровой цивилизаціи. Мысль о томъ, что это единство было когда-то, какъ было и единство религіозное,—укоръ новому Славянскому міру, несохранившему завѣщаннаго ему церковнаго единства.

И такова сила ученія и завѣтовъ св. Кирилла и Меѳодія, что тамъ, гдѣ Славяне остались имъ вѣрны и сохранили кирилло-меѳодіевскую литургію, тамъ сохранили они и свою политическую мощь. На нашихъ глазахъ возродились для политической самостоятельности два Славянскихъ народа, сохранившихъ въ жизни и въ церкви завѣты славянскихъ Апостоловъ. Тѣсно связанныя съ Россіей и русскимъ народомъ единствомъ вѣры и книги, эти народности—Сербская и Болгарская—обязаны своимъ воскрешеніемъ по преимуществу тому, что ихъ національная самобытность охранялась уже тѣмъ, что они имѣли свою службу въ церкви на языкѣ Кирилла и Меѳодія и избѣгли деспотической власти Романо-Германской культуры. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ эти народности многимъ обязаны Русскому государству и народу за свое воскрешеніе для политической самостоятельной жизни, но самая помощь Россіи и подъемъ и сила духа Сербовъ и Болгаръ, поддерживавшіе ихъ при всевозможныхъ испытаніяхъ, которымъ подвергла ихъ печальная судьба, проистекали оттого, что преданія кирилло-меѳодіевской проповѣди хранились у нихъ, какъ драгоцѣнная святыня, и сохраняли ихъ отъ отреченія

отъ самихъ себя во имя кажущагося превосходства другихъ народовъ.

Извѣстно, что теперь почти каждая вѣтвь Славянъ имѣетъ свою литературу и свой литературный языкъ. Кромѣ Русской литературы существуютъ: Польская, Чешская, Лужицкая съ двумя языками верхнихъ и нижнихъ Лужичанъ, Словацкая, Хорватская и Сербская, Болгарская, Словенская. Но Славянскихъ нарѣчій, на которыхъ пишутъ, еще болѣе: такъ малорусское нарѣчіе заявляетъ свои странныя требованія на отдѣльное отъ общерусскаго развитіе въ литературѣ, у Кашубовъ издаются нѣкоторыя книги на ихъ нарѣчіи и т. д. Это центробѣжное стремленіе у Славянъ соотвѣтствуетъ всей прошедшей исторіи Славянства, разъединеннаго и политически, и духовно, но рядомъ съ нимъ все сильнѣе и сильнѣе сказывается другое—центростремительное, ведущее къ единству Славянъ въ отношеніи дѣятельности на культурномъ и литературномъ полѣ. Развитіе литературы на мѣстныхъ языкахъ различныхъ Славянскихъ племенъ не представляетъ и не можетъ представить помѣхи для осуществленія идеи единства литературнаго языка произведеній, выходящихъ за исключительные предѣлы нуждъ одной какой либо Славянской народности; ибо одно то обстоятельство, что эти литературы служатъ интересамъ одной лишь народности, и что въ громадномъ большинствѣ онѣ лишь *теперь* вырабатываютъ свой литературный языкъ изъ живой народной рѣчи, указываетъ на ограниченныя цѣли мѣстныхъ литературъ и на ихъ безсиліе служить міровымъ задачамъ, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, предлежатъ Славянству въ его цѣломъ. Литературный языкъ, лишенный историческихъ основъ, хотя бы вырабатывался и талантливыми дѣятелями, не имѣетъ за собою историческаго прошлаго, которое даетъ ему устой и силу. Славянскія нарѣчія, въ большинствѣ новички въ литературѣ, не могутъ имѣть ни внутренней, ни внѣшней силы на столько, чтобы представить большій интересъ, чѣмъ тотъ, который питаютъ къ нимъ спеціалисты, изучающіе Славянство. Они безсильны привлечь къ себѣ міровое вниманіе, ибо ни сами по себѣ, ни народности и государства, представителями которыхъ они

являются, не представляють выдающейся силы, которая могла бы повліять на европейскій міръ.

Всѣ великіе патріоты, установители типа литературнаго языка у Славянъ имѣли въ виду лишь мѣстныя нужды и потребности и шли на встрѣчу лишь теченіямъ даннаго времени. Въ этомъ отношеніи заслуга сербскаго писателя Вука Караджича, установившаго типъ языка новой Сербской литературы, основывая его на правилѣ: пиши, какъ говоришь, имѣетъ значеніе лишь временное и случайное. Какъ ни высоко Сербами цѣнится его дѣятельность, какъ ни велики его заслуги для Сербской народности, но своею реформою Сербскаго литературнаго языка онъ лишилъ его исторической почвы и обрекъ Сербскую литературу на весьма ограниченный кругъ дѣйствій. О другихъ новыхъ Славянскихъ лутературахъ, какъ Словенской, Словацкой и др., нечего и говорить. Признавая за ними заслуги въ исторіи развитія тѣхъ племенъ, интересамъ которыхъ онѣ служатъ, мы не можемъ однако не замѣтить, что эти литературы мелочны и не вызываютъ никакого вниманія за предѣлами Славянскаго міра.

Попытки выйти за тѣсные предѣлы литературныхъ интересовъ отдѣльныхъ племенъ въ Славянскомъ мірѣ начались уже давно. Замѣчательно, что всѣ эти попытки, найти общеславянскій языкъ, дѣлались Славянами, живущими внѣ Россіи, и по преимуществу западными, сильнѣе всего чувствующими свою обособленность въ европейскомъ мірѣ, и потому ранѣе и сильнѣе другихъ сознавшими необходимость найти единство въ разнообразіи Славянскомъ.

Вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ рѣшался до сихъ поръ двояко: одни старались выработать искусственный языкъ, навязавъ условныя формы тому типу языка, который долженъ былъ играть роль общеславянскаго, другіе находили выходъ изъ затруднительнаго положенія Славянской раздробленности лишь въ томъ, чтобы всѣ Славяне приняли одинъ изъ живыхъ Славянскихъ языковъ за общій литературный для удовлетворенія высшихъ потребностей Славянской культурной жизни.

Исторія попытокъ создать искусственный общелитературный языкъ для Славянъ начинается со времени Юрія Крижанича, который впервые уяснилъ общія задачи Славянства и изложилъ ихъ въ извѣстной послѣдовательности и цѣльности. Если до Юрія Крижанича въ произведеніяхъ Славянскихъ писателей мы можемъ отмѣтить нѣкоторыя мѣста, свидѣтельствующія о сознаніи Славянскаго единства, какъ напр. у Далматинскихъ поэтовъ, то лишь въ сочиненіяхъ этого замѣчательнаго человѣка находимъ впервые полную систему взглядовъ, систему, которая въ извѣстномъ отношеніи лишь развивалась позднѣйшими панславистами.

Юрій Явканица Крижаничъ Неблюшскій родился въ 1617 году въ одномъ изъ городковъ Загребской жупаніи. Поступивъ въ духовное званіе, онъ сначала учился въ Загребской духовной Семинаріи, а затѣмъ былъ посланъ въ Вѣну въ тогда лишь основанную тамъ Хорватскую Семинарію. Это было около 1638 года. Вскорѣ онъ переѣхалъ въ Болонью, гдѣ изучалъ юридическія науки, а затѣмъ въ Римъ, гдѣ поступилъ въ уніатскую коллегію св. Анастасія. Здѣсь онъ познакомился съ церковнославянскимъ языкомъ и сблизился съ извѣстнымъ дѣятелемъ по исправленію глаголическихъ богослужебныхъ книгъ Рафаиломъ Леваковичемъ. Въ Римѣ въ эту пору были нерѣдки гости изъ Русской земли, особенно западныхъ и южныхъ ея областей, въ которыхъ тогда ревностно распространялась унія, и Крижаничъ, познакомившись съ этими дѣятелями уніи, узналъ и русскій языкъ. Сталкиваясь съ русскими людьми, онъ долженъ былъ слышать разсказы о русскомъ народѣ, объ его вѣроисповѣдныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Еще въ Римѣ Крижаничъ былъ назначенъ по распоряженію загребскаго епископа Винковича—каноникомъ въ Загребѣ, но впослѣдствіи былъ лишенъ этого мѣста, такъ какъ все время оставался въ Римѣ, откуда онъ совершилъ путешествіе по Италіи. Такъ прошло 15 лѣтъ. Къ этому времени относится нѣсколько замѣчательныхъ его трудовъ, изъ которыхъ видно, что онъ сильно занимался вопросомъ о раздѣленіи церквей и раздорѣ между Римомъ и Византіей. Въ 1657 г. Крижаничъ ѣздилъ во Флоренцію

и Венецію, узнавъ, что тамъ гоститъ русское посольство: онъ уже окончательно рѣшилъ отправиться въ Русскую землю, въ Славянскую свободную страну съ великимъ значеніемъ въ будущемъ. „Днеска единъ русскій удѣлъ, по Божьей милости, говоритъ онъ въ сочиненіи, изданномъ подъ заглавіемъ: „Русское государство“ въ 1860 г. профессоромъ П. А. Безсоновымъ, обращаясь къ царю Алексѣю Михайловичу, „живетъ подъ тобою Царемъ и Государемъ своего языка, а остальны всѣ Словенцы есуть подвержены чужимъ народомъ“.

Съ цѣлью удобнѣе перебраться въ Россію, Юрій Крижаничъ отправился въ Вѣну, откуда въ 1658 г. онъ, вслѣдъ за посольствомъ русскимъ, возвращавшимся изъ Италіи въ Москву, чрезъ Польшу поѣхалъ въ Русскую страну. Въ началѣ 1659 г. онъ былъ во Львовѣ и вскорѣ затѣмъ, проѣхавъ чрезъ Малороссію, гдѣ онъ засталъ смуты, отправился въ Москву. Вслѣдствіе какихъ-то до сихъ поръ достаточно неразъясненныхъ обстоятельствъ онъ въ 1661 г. былъ сосланъ въ Тобольскъ. Причиной этой ссылки, вѣроятно, была его страстная и необыкновенно дѣятельная природа. Въ Москвѣ въ это время происходили оживленные религіозные споры, вызванные исправленіемъ книгъ церковныхъ и дѣломъ патріарха Никона. На сколько можно судить изъ сочиненій Крижанича, писавшаго опроворженіе на извѣстную челобитную Соловецкихъ монаховъ, онъ не могъ равнодушно относиться къ событіямъ въ русской церкви того времени, вѣроятно, вмѣшавшись въ споръ, вооружилъ противъ себя тогдашнихъ правителей, подозрительно относившихся къ католическому священнику, пришедшему въ Россію во время самого разгара церковныхъ смутъ.

Въ ссылкѣ Крижаничъ провелъ 15 лѣтъ. Онъ не разъ обращался съ просьбою къ царю о помилованіи и просилъ царя Алексѣя Михайловича перевести его въ Соловецкую обитель, но его просьбы не доходили до государя. Въ 1676 году онъ обратился съ новою просьбою къ царю Ѳедору Алексѣевичу и, получивъ помилованіе, отправился въ Москву. Въ благодарственномъ посланіи къ Государю Ѳедору Алексѣевичу и привѣтствіи „на счастливое его государское вѣнчаніе“, Юрій Крижаничъ,

уже слабый и старый, по его словамъ, предлагаетъ перевести на русскій языкъ политику Аристотеля для пользы русскаго государства. Имѣются указанія, что онъ былъ въ Москвѣ въ Ноябрѣ 1676 г. *), но затѣмъ нѣтъ рѣшительныхъ свѣдѣній о мѣстѣ его кончины.

Католическій священникъ, хорватъ по происхожденію, воспитанникъ Рима и католическихъ замысловъ на православныя страны, Юрій Крижаничъ первый задумалъ о возможности создать одинъ общій Славянскій языкъ на основѣ тогдашняго книжнаго русскаго. Въ предисловіи къ сочиненію „Русское Государство", онъ говоритъ, что одною изъ причинъ, побудившихъ его придти на Русь, было его намѣреніе исправить „Словенскій нашъ языкъ", который извращенъ, смятенъ и оскверненъ и почти въ конецъ испорченъ вліяніями другихъ языковъ. Для этой цѣли онъ намѣренъ былъ составить „добрую" грамматику и лексиконъ, какъ необходимыя книги для установленія правильнаго литературнаго языка.

Грамматика Крижанича названа въ оглавленіи предисловія „Граматично изказанје об Руском језику". Предисловіе къ ней, или, какъ его называетъ Крижаничъ, Предговорје—объясняетъ цѣли его труда и взгляды на общеславянскій языкъ. Прежде всего онъ останавливается на вопросѣ, какъ назвать тотъ языкъ, грамматику котораго онъ пишетъ. „Ошибочно, говоритъ онъ, называть нашъ этотъ языкъ *Словинскимъ* (т. е. Славянскимъ), такъ какъ онъ на самомъ дѣлѣ долженъ быть названъ Русскимъ". „Когда-то, продолжаетъ онъ, было шесть королевствъ и до сихъ поръ существуетъ шесть племенъ (шестеро льудство) и сообразно съ этимъ шесть болѣе извѣстныхъ язычныхъ *отминъ* (нарѣчій) въ нашемъ народѣ: это Русскіе, Ляхи, Чехи, Болгаре, Сербы и Хорваты". Что касается трехъ послѣднихъ, то онъ ихъ зоветъ общимъ именемъ *Словинцевъ* или *Задунайцевъ*. Но между всѣми этими шестью народностями и именами,

---

*) Строевъ. Библіологическій Словарь и черновые къ нему матеріалы, стр. 61. По записи видно, что Крижаничъ 4 Ноября 1676 г. взялъ рубль милостыни у патріарха въ Москвѣ.

по мнѣнію Крижанича, „зачально јест льудство јме Руско“, всѣ же остальныя народности произошли отъ Русскихъ и потому ихъ имена моложе Русскаго имени и неизвѣстны древнимъ писателямъ. Говоря о раздѣленіи Славянъ на племена, Юрій Крижаничъ утверждаетъ, что лишь случайно имя *Славяне* стало болѣе извѣстно и распространено у древнихъ писателей, особенно греческихъ, чѣмъ имя *Русское*. Крижаничъ выводитъ изъ русскихъ предѣловъ Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ, когда-то называвшихся общимъ именемъ „Словинци“, а также и Ляховъ, Моравянъ и Чеховъ, основавшихъ свои государства. „Становито јест, говоритъ онъ въ концѣ этого отдѣла, јеже Руско племе и јме јест осталним всим вершина и кореника“.

Утвердивъ такимъ образомъ общее имя Славянъ въ названіи *Русскіе*, Крижаничъ замѣчаетъ, что ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ Русскую „отмину“ плодомъ „Словинской отмины“, но Словинская, Чешская и Ляшская отмины—чада Русскаго языка. Отсюда, по его мнѣнію, и тотъ языкъ, который употреблялся въ литературѣ того времени, не можетъ быть называемъ Славянскимъ, но *русскимъ* книжнымъ или древнимъ. Причины этого, указываемыя Крижаничемъ, слѣдующія: 1) это нарѣчіе—корень (кореника) остальнымъ пяти или шести славянскимъ нарѣчіямъ и потому, „безъ сомнѣнія“, принадлежитъ самому старому поколѣнію—Русскимъ; во 2) этотъ книжный языкъ значительно болѣе похожъ на обычный русскій языкъ, чѣмъ какое нибудь изъ остальныхъ Славянскихъ нарѣчій. Тутъ Крижаничъ ссылается въ доказательство на тѣ главы своего „Граматичнаго изказанія“, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ отличія русскаго языка отъ сербскаго и хорватскаго.

Исходя изъ той мысли, что языкъ не можетъ достаточно развиться тамъ, гдѣ нѣтъ политической жизни, и что литературное развитіе языка происходитъ въ самостоятельныхъ политическихъ организмахъ, Крижаничъ отмѣчаетъ, что ни одна славянская народность не имѣла въ эту пору самостоятельнаго сильнаго государства. Существуетъ лишь одно русское государство, говоритъ онъ, а остальныя народности подпали подъ власть „Нѣмцевъ, Вугровъ, Влаховъ и Турковъ“. Они потеряли, кто

треть, кто половину реченій своего отечественнаго языка, и всякій день теряютъ что нибудь, замѣчаетъ онъ. О Польскомъ государствѣ и о польской литературѣ онъ здѣсь не упоминаетъ, такъ какъ это было время начала упадка Польши и концентрированія Русскаго государства. Крижаничъ могъ хорошо понимать значеніе перваго сейма, сорваннаго liberum veto въ Варшавѣ въ 1651 г., и подчиненія Богдана Хмѣльницкаго Московскому государству. Югославянскій патріотъ, призывавшій царя освободить славянъ балканскихъ отъ Турокъ, видѣлъ, что Польша того времени безсильна совладать съ Турками, какъ это вскорѣ и оказалось при заключеніи Бучацкаго мира въ 1672 г., по которому къ Туркамъ отошли даже Подолія и Украйна, а сама Польша обязалась платить дань Турціи. Въ Польскомъ языкѣ Крижаничъ видѣлъ слишкомъ обильные слѣды нѣмецкаго вліянія и относился къ нему вообще очень недружелюбно.

Желая уяснить читателямъ высказанную имъ мысль, Крижаничъ дѣлаетъ краткій отзывъ о положеніи языка у различныхъ славянскихъ народностей. У Болгаръ нечего искать, говоритъ онъ, ибо тамъ такъ „изгубльен" языкъ, что отъ него едва ли остается слѣдъ. У Ляховъ половина словъ взята изъ другихъ различныхъ языковъ,—Крижаничъ имѣлъ здѣсь въ виду латинизмы и германизмы тогдашней польской рѣчи. У Чеховъ— языкъ чище, чѣмъ ляшскій, хотя и онъ также не мало загрязненъ. А Сербы и Хорваты такъ потеряли свою людовскую рѣчь, что кромѣ домашняго дѣла, не могутъ имъ пользоваться для какого нибудь болѣе важнаго сочиненія: кто-то о нихъ замѣтилъ, говоритъ Крижаничъ, что Хорваты и Сербы говорятъ на всѣхъ языкахъ, но ничего не могутъ сказать, ибо у нихъ одно слово русское, другое—венгерское, третье—нѣмецкое, четвертое—турецкое, пятое—греческое или волошское, или албанское.

Но Крижаничъ—патріотъ Хорватъ и даже подъ вліяніемъ мѣстнаго патріотизма своей родины. Поэтому онъ спѣшитъ прибавить, что не смотря на всѣ примѣси въ Хорватскомъ языкѣ, тамъ соблюдаются правильныя ударенія, грамматическія правила, чистое изглашеніе чужихъ словъ, и образъ рѣчи нигдѣ такъ не близокъ „къ древнему и коренному" русскому языку, какъ

именно у Хорватовъ, особенно живущихъ въ небольшомъ уголкѣ, около рѣкъ Купы и Вуны, въ уѣздѣ Дубовца, Озля и Рыбника,— откуда онъ самъ былъ родомъ. Причину того, почему тамъ сохранились болѣе древнія формы и особенности языка, онъ находитъ въ томъ, что во время турецкихъ нападеній и при взятіи „хорватской столицы“ города Бихача, туда, въ горныя мѣста удалились Хорватскіе и Сербскіе бояре. Тамъ то сохранился болѣе чистый языкъ, ибо благодаря гористой мѣстности и рѣкамъ, тамъ нѣтъ проѣзжихъ и торговцевъ иноземныхъ, а слѣдовательно иностранцы не могутъ вредно вліять на чистоту рѣчи. Извѣстно, что Крижаничъ обвинялъ Славянъ въ *ксеноманіи*, т. е. особенномъ пристрастіи къ чужеземному и любви къ подражанью и заимствованіямъ.

Вліяніемъ иноземнымъ Крижаничъ объясняетъ то, что и въ русскомъ языкѣ, по его мнѣнію, *сдвинуто съ мѣста* „изриканіе и граматично правило“, но что касается лексическаго состава языка, то онъ у русскихъ всего лучше и чище, что объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что языкомъ государственнымъ въ Россіи—языкъ народа. Иного мнѣнія Крижаничъ о нарѣчіяхъ русскаго языка. Бѣлорусское нарѣчіе ему представляется искаженнымъ и со стороны лексической, и со стороны синтаксической, благодаря вліянію Польскаго языка. Подобный же отзывъ онъ дѣлаетъ о Кіевскихъ книгахъ, полныхъ такихъ искаженій и „мерзостей“, которыхъ нельзя читать безъ омерзенія и возбужденія желудка къ рвотѣ... Бѣлорусы подражаютъ во всемъ Ляхамъ, говоритъ Крижаничъ, а такъ какъ Ляшское нарѣчіе испорчено примѣсью различныхъ языковъ, то неудивительно, что Бѣлорусы черпая изъ загрязненнаго источника, не могутъ „дать намъ чистаго питья“.

Но и самый переводъ церковныхъ книгъ не представляется Крижаничу чистымъ вслѣдствіе внесенія Греческихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Въ Грамматикѣ Крижаничъ помѣстилъ цѣлый отдѣлъ „о порчѣ языка“ (отд. 14, стр. 153—171), въ которомъ указываетъ на заимствованія словъ изъ греческаго, на излишнюю точность въ переводѣ словъ греческихъ сложныхъ сложными же, несвойственными русско-славянскому языку, на

синтаксическія особенности греческаго языка, внесенныя въ славянскій, благодаря переводамъ, и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній Крижанича могутъ быть оправданы и приняты современною наукою о языкѣ.

Человѣкъ жизни и политической дѣятельности Хорватскій панславистъ XVII вѣка не считалъ вопросовъ грамматическихъ, вопроса о чистотѣ языка и стиля—столь важными, чтобы изъза нихъ возможенъ былъ расколъ въ церкви, очевидцемъ котораго онъ былъ. Онъ, сводя въ систему свои двадцатилѣтнія размышленія объ исправленіи языка, хотѣлъ содѣйствовать успокоенію народныхъ ссоръ и возстановленію мира въ русской церкви. Но онъ имѣлъ въ то же время и болѣе широкія задачи въ виду. Сожалѣя о томъ, что, живя въ удаленіи отъ образованныхъ людей и въ изгнаніи, онъ не могъ составить словаря, столь необходимаго для опредѣленія лексическаго богатства языка, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ протеръ „ледъ неудобія" послѣдующимъ поколѣніямъ. Вся его задача сводится къ тому, чтобы установить правила русскаго книжнаго языка, который онъ нашелъ въ тогдашней русской церковно-славянской письменности, приспособивъ его къ употребленію всеславянскому. Обращаясь къ читателю въ особомъ предисловіи (ко чтительем предопоминок), Крижаничъ проситъ его не удивляться этому способу письма и „говоренія", ибо онъ пишетъ такимъ языкомъ, который, какъ онъ надѣется, будетъ понятенъ Русскимъ, Словинцамъ (т. е. Югославянамъ), Ляхамъ и Чехамъ. Онъ старался, по его словамъ, избирать формы словъ и выраженія, общія большинству нарѣчій, „дабы от всих било разумльно".

Такимъ образомъ Крижаничъ искалъ общеславянскаго языка въ русскомъ книжномъ языкѣ XVII вѣка, стараясь лишь установить типъ общихъ формъ, примѣнительно разумѣнію всѣхъ остальныхъ Славянъ, съ языками которыхъ онъ былъ болѣе или менѣе знакомъ. Въ это время еще не возникало вопроса о древне-Славянскомъ языкѣ, и въ церковнославянскомъ языкѣ русской книги видѣли типъ обще-Славянскаго древняго языка. Исправители и издатели католическихъ глаголитскихъ церковныхъ книгъ въ XVII и даже XVIII вѣкахъ, Леваковичъ, Пастричъ

и Караманъ, искали въ русскихъ церковныхъ книгахъ образца и указаній для своихъ трудовъ по возстановленію чистоты древняго языка. Поэтому нисколько неудивительно, что для Крижанича понятія языкъ *русскій* и языкъ *Славянскій* или, какъ онъ называетъ, *Словинскій* — тождественны, ибо онъ видѣлъ въ тогдашнемъ языкѣ церковной русской книги не уклоненіе отъ типа Славянскаго языка, ему совершенно неизвѣстнаго, но основной Славянскій языкъ, сохраненный въ русскомъ народѣ и нашедшій обработку въ русской литературѣ. Эта мысль соотвѣтствовала его теоріи о происхожденіи всѣхъ Славянъ изъ Руси, и ему поэтому казалось возможнымъ, лишь исправивъ языкъ русской книги, сдѣлать его обязательнымъ для всѣхъ Славянъ и общимъ для всѣхъ Славянскихъ народностей.

Мнѣніе о русскомъ языкѣ, какъ самомъ древнемъ среди Славянскихъ языковъ и нарѣчій, было вообще распостранено среди Славянъ. Югославянскій писатель XV вѣка Константинъ Костенскій въ своемъ сочиненіи о правописаніи говоритъ, между прочимъ, что переводчики священнаго писанія, „добріи они и дивніи мужи", избрали для этой цѣли „роушькый" языкъ, въ помощь которому прибѣгали къ заимствованіямъ изъ болгарскаго, сербскаго, боснійскаго словенскаго, чешскаго и хорватскаго. Какъ ни „смѣшными", по мнѣнію покойнаго Даничича,*) кажутся мнѣніе и доказательства Константина философа, на которыхъ онъ опирается, разъясняя свою мысль, но несомнѣнно одно, что и въ то раннее время, когда русскій народъ лишь начиналъ собираться въ одно сильное государство, и когда русская словесность не могла еще оказывать никакого вліянія на Юго-Славянъ, мысль о русскомъ языкѣ, какъ древнѣйшемъ и самомъ чистомъ, уже существовала среди Славянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что эта мысль о значеніи русскаго языка, какъ общеславянскаго, легко воскресла въ послѣдствіи и находила своихъ защитниковъ въ средѣ славянскихъ патріотовъ, не говоря уже о томъ, что печальная политическая судьба Славянъ должна была указывать имъ на Русское государство, которое

*) Starine, I, 13.

могло доставить имъ опору и защиту въ ихъ трудной долѣ. „Граматично изказанје“ Юрія Крижанича представляетъ первую попытку теоретическаго осуществленія мысли объ общеславянскомъ языкѣ. Онъ рядомъ сравненій съ болѣе извѣстными ему славянскими языками, особенно же пользуясь своимъ роднымъ нарѣчіемъ, сдѣлалъ попытку создать искусственный литературный языкъ.

Юрій Крижаничъ всю русскую азбуку свелъ къ 25 знакамъ или „словамъ“, какъ онъ называетъ буквы, согласно съ сербской грамматической терминологіей; изъ нихъ 24 знака кирилловскихъ и одинъ знакъ ј, которому Крижаничъ придаетъ особенное значеніе, взятъ изъ латиницы. Кромѣ этихъ знаковъ онъ оставилъ еще, по его выраженію, двѣ „двојгласницы“—ѧ, въ значеніи *я*, и *ѣ*.

Знаку *ѣ*, звукъ котораго онъ объясняетъ стяженіемъ *і* и *е*, онъ отводитъ весьма ограниченное мѣсто, употребляя вмѣсто него почти всегда въ корняхъ словъ хорвато-далматинскую замѣну этого звука—*и*, какъ напр. онъ пишетъ: гриховъ, ричей, вриме и т. д.

Не вдаваясь въ критическій разборъ грамматическаго труда Юрія Крижанича, мы однако замѣтимъ, что самое распредѣленіе матеріала по грамматическимъ рубрикамъ въ этомъ „Изказаніи“ представляется для своего времени довольно оригинальнымъ. Такъ онъ довольно пространно останавливается на суффиксахъ и образованіи словъ, особенно именъ существительныхъ. Перечисляя образовательные слоги, Крижаничъ старается опредѣлить общій смыслъ слова, придаваемый ему тѣмъ или другимъ суффиксомъ, и распредѣляетъ суффиксы по рубрикамъ значеній. Говоря объ именахъ существительныхъ, Крижаничъ раздѣляетъ ихъ на собственныя и нарицательныя (властита и общена),—далѣе по группамъ разнообразныхъ значеній, отмѣчая суффиксы этихъ именъ: такъ имена лицъ дѣйствующихъ, или—по его выраженію, *особна разнита*, образуются при помощи суффиксовъ ач, тель, лец, лник, нец, ник, ар и т. д. Для своего времени эти замѣчанія и классификація формъ языка имѣли особенную важность и свидѣтельствовали какъ о подгото-

вленности Крижанича къ грамматическимъ трудамъ, такъ и о наблюдательности надъ формами русскаго языка, составомъ русскихъ словъ и общими явленіями славянскихъ нарѣчій.

Крижаничъ, не имѣя свѣдѣній о Старославянскомъ языкѣ, не могъ, конечно, достаточно выяснить себѣ многихъ явленій въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Непонятное ему или ненравящееся явленіе въ языкѣ онъ осуждалъ и прямо отбрасывалъ. Такъ польскіе носовые звуки для него были странны, а потому казались ему и ненужными, ибо онъ не зналъ значенія славянскихъ юсовъ. Онъ очевидно считалъ возможнымъ установить одинъ языкъ при помощи соглашенія въ употребленіи тѣхъ или другихъ формъ и словъ. Подобный взглядъ приводитъ его къ особому пріему: онъ часто указываетъ тѣ или другія употребительныя формы и затѣмъ, отрицая ихъ или называя никуда негодными, предлагаетъ замѣны, пользуясь чаще всего хорватскимъ языкомъ, т. е. своимъ роднымъ нарѣчіемъ. Особенно странными кажутся ему особенности Польскаго языка, въ которомъ онъ находитъ такъ много заимствованій изъ различныхъ чужихъ языковъ, преимущественно изъ нѣмецкаго, что въ немъ мало осталось подобія на этотъ общеславянскій языкъ.

Находясь подъ вліяніемъ своего роднаго нарѣчія, онъ часто отдаетъ предпочтеніе особенностямъ хорвато-сербскихъ говоровъ и считаетъ частныя ихъ свойства явленіями общеславянскими. Такъ, онъ считаетъ неправильными формы: милость, казнь, соль, требуя ихъ замѣны діалектическими формами: милост, казен, сол. То что считаетъ Крижаничъ ошибочнымъ или неудобнымъ, онъ называетъ обезъянщиной, кметщиной,—подъ послѣднимъ терминомъ онъ разумѣетъ употребленіе архаизмовъ,—и безящиной (отъ хорватскаго Безјак,—о людяхъ коверкающихъ рѣчь).

Такое отношеніе къ живому слову, которое не можетъ терпѣть на себѣ путъ, придуманныхъ грамматистомъ, а не вытекающихъ изъ самой природы языка, конечно, не могло повести къ выводамъ научнымъ и обязательнымъ для Славянскихъ языковъ. Въ результатѣ получился языкъ уродливый, такъ сказать Русско-хорвато-сербскій, лишенный именно того, что дѣлаетъ его точнымъ и легкимъ, яснымъ и живымъ.

Хотя попытка Крижанича создать общеславянскій языкъ путемъ искусственнаго смѣшенія формъ и лексическаго состава была неудачна, но приведенная въ связь съ его политическими и гражданскими идеями и мечтами, она въ высшей степени замѣчательна. Она свидѣтельствуетъ какъ о глубокомъ взглядѣ хорватскаго патріота-Славянина, пришедшаго „къ царю своего языка", на прошлое Славянства, такъ и о томъ, что въ то время, когда, казалось, Славянство находилось въ самомъ печальномъ положеніи и клонилось къ полному упадку, лучшіе умы славянскіе на западѣ, прозрѣвая въ будущее, провидѣли на дальнемъ востокѣ складывающуюся въ крѣпкое и стройное государство великую славянскую силу. Въ XVII вѣкѣ,—въ этомъ вѣкѣ переворотовъ въ славянскомъ мірѣ, въ вѣкъ Бѣлогорской битвы въ Чехіи, смутнаго времени и эпохи самозванцевъ въ Россіи, данничества Польши Турецкому падишаху, самаго полнаго господства Туровъ, доходившихъ до Вѣны, надъ Сербами и Болгарами,—общеславянскія идеи и мечты Крижанича о литературномъ объединеніи Славянъ могутъ быть названы плодомъ геніальнаго духа, высоко парившаго надъ дѣйствительностью и неспускавшагося съ этой высоты даже вслѣдствіе тѣхъ бѣдствій и неудачъ, которыя постигли ихъ творца.

Попытка создать одинъ общеславянскій языкъ смѣшеніемъ нарѣчій была повторена въ текущемъ столѣтіи Словакомъ Яномъ Геркелемъ и Словенцемъ Матіей Маяромъ Цильскимъ.

Янъ Геркель, бывшій адвокатомъ въ Пештѣ, напечаталъ въ Будимѣ въ 1826 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta (Budae 1826). „Развитіе языка можетъ быть общественное или логическое" (Cultura linguae alia potest esse civilis, alia logica) говоритъ онъ. „Общественно обрабатывается языкъ, употребляясь въ общественной жизни, и чѣмъ разнообразнѣе его употребленіе, тѣмъ онъ болѣе общественно обрабатывается. Но общественной обработки языка не слѣдуетъ искать у ученыхъ людей, а въ живомъ употребленіи;—напрасно выдумываетъ слова ученый, если эти слова не въ обычномъ употребленіи". Далѣе онъ высказываетъ совершенно справедливую

мысль, что разнообразіе занятій народа, а также и количество жителей вліяютъ на развитіе языка. Но онъ смѣшиваетъ особенности нарѣчій, возникшія отъ живаго развитія языка, съ „дурными привычками", которыя вошли во всѣ Славянскіе языки и отъ которыхъ нужно освободить общеславянскій языкъ „логическими комбинаціями". Въ своей пробѣ общеславянскаго языка онъ показалъ, что даетъ перевѣсъ своему родному нарѣчію — Словацкому, какъ видно изъ образца, приведеннаго въ статьѣ о всеславянскомъ языкѣ профессора Гатталы.

Послѣдняя попытка создать искусственнымъ путемъ общеславянскій языкъ была сдѣлана въ шестидесятыхъ годахъ Матіей Маяромъ Цильскимъ. Этой его попыткѣ предшествовала другая: именно-попытка объединить югославянскіе языки подъ названіемъ „иллирійское нарѣчіе" и создать общее правописаніе.

Если литературное объединеніе всѣхъ Славянъ представляется трудно исполнимымъ и для его достиженія требуется побороть много самыхъ разнообразныхъ препятствій, то казалось бы, что это частичное объединеніе нѣкоторыхъ болѣе близкихъ между собою племенъ и народностей болѣе возможно и не представляетъ непреоборимыхъ препятствій, но оказывается, что и оно было возможно лишь отчасти между двумя, при томъ наиболѣе родственными, народностями.

Почти въ то время, когда Словаки стали заявлять свои требованія на самостоятельность въ литературѣ и отдѣленіе своего литературнаго языка отъ Чешскаго, на югѣ Австріи у Хорватовъ возникаетъ идея такъ называемаго хорватскаго *иллиризма*. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Людовита Гая. Съ конца 1834 года Людовитъ Гай сталъ издавать политическую газету Novine Horvatzke, а съ начала 1835 г. и прибавленіе къ нимъ подъ именемъ: Danica ilirska, какъ общее заглавіе къ частному: Danica horvatska, Slavonska i Dalmatinska. Языкъ кайкавскій и правописаніе были еще старыя, но въ 1836 г. Гай принялъ сербо-хорватское нарѣчіе, имѣвшее свое богатое прошедшее въ Далматинской литературѣ, языкомъ ново-хорватской литературы. Въ то же время онъ усвоилъ хорватской письменности и ороографію съ діакритическими знаками. Старое имя

Иллировъ должно было объединить всѣ разнообразныя племена и употреблялось до 1843 г., когда австрійское правительство увидѣло въ этомъ названіи политическую опасность для цѣлости государства, и когда поэтому оно замѣнилось терминомъ: Юго-славяне.

Людовитъ Гай въ объявленіи о своихъ изданіяхъ въ 1840 г. приравниваетъ терминъ *иллирскій* языкъ, подъ которымъ онъ разумѣетъ нарѣчія Хорватовъ, Сербовъ, Вендовъ (Словенцевъ), Далматинцевъ, Босняковъ и др., къ названію *итальянскій* языкъ, подъ именемъ котораго понимаются нарѣчія: венеціанское, ломбардское и т. д., равно какъ термину *славянскіе* языки соотвѣтствуетъ терминъ *романскіе* языки.

Окончательное же соглашеніе между Хорватами и Сербами относительно выбора одного нарѣчія для литературы и единства въ правописаніи состоялось въ 1850 г., при чемъ было заключено нѣчто въ родѣ формальнаго договора, который подписали Кукулевичъ-Сакцинскій, Димитрій Деметеръ, Иванъ Мажураничъ, Вукъ Караджичъ, Винко Пацель, Францъ Миклошичъ, Стефанъ Пеяковичъ и Юрій Даничичъ.

Такимъ образомъ состоялось полное соглашеніе относительно выбора нарѣчія для сербо-хорватской литературы, но Словенцы-кайкавцы не примкнули къ этому договору, хотя нѣкоторые изъ видныхъ писателей хорватскихъ и были по происхожденію Словенцы (Станко Вразъ). Нельзя при этомъ не замѣтить, что многіе Словенцы-патріоты старались ближе держаться въ своемъ языкѣ формъ и стиля хорвато-сербскаго литературнаго языка, какъ напр. Янъ Блейвейсъ, „отецъ словенскаго народа", какъ его называли въ Крайнѣ, въ своихъ Novicah.

Впослѣдствіи возникала нерѣдко мысль о привлеченіи и болгарской нарождающейся словесности къ этому союзу югославянъ въ единомъ литературномъ языкѣ, предполагалось даже изданіе одного для этихъ нарѣчій словаря, но эти попытки пока не привели ни къ чему.

Но не смотря на достигнутое объединеніе въ литературномъ языкѣ двухъ чрезвычайно близкихъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ славянскихъ народностей, въ Юго-славянскомъ мірѣ

живо сознавалась потребность отъискать начала, на которыхъ моглобы произойти литературное объединеніе всѣхъ Славянъ. Да и хорвато-сербское литературное объедпненіе не можетъ быть названо полнымъ, ибо Сербовъ и Хорватовъ раздѣляетъ азбука. Это сознаніе звучитъ и въ слѣдующихъ словахъ Людовита Гая: „Всякій просвѣщенный иллиріецъ нашего времени долженъ знать кирилловскую азбуку, какъ нашу настоящую старинную собственность, которою въ старыя времена пользовались наши прадѣды одной и другой церкви, и которую Иллиры восточной церкви сохранили нетронутой подъ славнымъ отдѣльнымъ сербскимъ именемъ не только для себя, но и для насъ. Абецеда принадлежитъ всей Европѣ, а слѣдовательно и намъ; азбука же исключительно наша: что же намъ можетъ мѣшать пользоваться одной и другой, правою и лѣвою рукою, если намъ и та, и другая необходимо нужны: одна ближе къ сердцу, такъ какъ она наша, другая ради обширнаго иностранства" *). Казалось бы, что изъ того разсужденія Гая, что азбука спеціально „наша", т. е. и Хорватовъ, вытекало бы, что слѣдуетъ именно и принять ее для хорватской письменности, но оказывается, что принята абецеда „ради обширнаго иностранства", измѣненная лишь по чешскому образцу.

Мысль о примѣненіи кириллицы къ азбукѣ общеславянской имѣетъ свою довольно длинную исторію. Мы видѣли, что Юрій Крижаничъ примѣнилъ кириллицу къ своему общеславянскому языку. Въ новѣйшее время мысль о введеніи кирилловской азбуки въ ея „гражданскомъ" видѣ во всѣ славянскія литературы сказалась всего раньше и сильнѣе у Чеховъ. Принятіе кириллицы для чешской письменности такъ или иначе связывалось съ вопросомъ объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ и представлялось одною изъ важнѣйшихъ ступеней въ его разрѣшеніи. Чехъ Ярославъ Пухмайеръ или Пухмиръ (1769—1820), католическій священникъ сначала въ Прахатицахъ,

---

*) Seljan. Početak, napredak i vrědnost Literature Ilirske. U Zagrebu. 1840, стр. 52.

а затѣмъ въ Рудницѣ, еще въ 1805 г. напечаталъ въ Прагѣ небольшое сочиненіе: „Pravopis Rusko-česky", въ которомъ предлагаетъ писать по чешски русскою азбукою. Во второмъ изданіи этой книги, вышедшемъ въ 1851 году, приложены нѣкоторые образцы этого письма. Онъ съумѣлъ обойтись для чешскаго языка русскимъ алфавитомъ, не прибавляя къ нему ни новыхъ буквъ, ни надстрочныхъ значковъ и предлагая лишь для выраженія нѣкоторыхъ звуковъ сочетанія буквъ и обозначеніе чешской долготы. Такъ чешское ř онъ обозначалъ *рь*, чешское ů— знакомъ ó. Книжка Пухмайера въ свое время привлекла всеобщее вниманіе виднѣйшихъ славянскихъ ученыхъ. Копитаръ, мечтавшій объ основаніи славянской Академіи въ Вѣнѣ, въ своихъ письмахъ къ Добровскому въ 1809 и 1810 гг. побуждалъ его составить общую славянскую азбуку и ороографію для всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Но Добровскій отнесся отрицательно къ этимъ планамъ Копитара, который въ письмѣ отъ 9 Декабря 1820 г. къ Добровскому уже не придаетъ такого значенія этой Академіи, и объявляетъ, что безъ общаго алфавита для Славянъ мысль объ Академіи неосуществима. Въ письмѣ къ Копитару отъ 1 Декабря 1810 г. Добровскій выражаетъ сомнѣніе въ возможности принятія русской гражданки для обозначенія звуковъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, но онъ очевидно имѣетъ тутъ въ виду и мысль о созданіи одной литературы у Славянъ. По его мнѣнію, предложеніе о введеніи общей латинской ороографіи имѣло бы больше успѣха. „Славянскій самодержецъ здѣсь бы больше сдѣлалъ, чѣмъ ученое народное собраніе", говоритъ Добровскій, отвѣчая Копитару на его мечты о славянской Академіи въ Вѣнѣ. Это согласно съ общимъ взглядомъ Добровскаго на вопросъ о возможности литературнаго объединенія Славянъ; свои сомнѣнія о томъ, чтобы можно было „соединить славянскія нарѣчія, между собою различныя, въ одинъ письменный языкъ" онъ выразилъ въ 1809 г. въ статьѣ, посвященной разбору словаря Линде, въ Annalen der Literatur und Kunst *).

*) Brandl. Život Josefa Dobrovského, стр. 140.

События 1848 года вновь возбудили въ средѣ Славянъ, особенно западныхъ, мысль о средствахъ для достиженія литературнаго единства. Тенденціи Франкфуртскаго парламента вызвали сильную агитацію нѣмцевъ въ Чехіи и естественно способствовали живому возбужденію среди Славянъ мысли о славянскомъ единствѣ. Первое реальное проявленіе этой мысли въ политической жизни особенно западныхъ Славянъ былъ Славянскій съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г. Въ Прагѣ было издано воззваніе къ Славянамъ за подписью многихъ виднѣйшихъ ученыхъ и дѣятелей какъ Шафарикъ, Палацкій, Ганка, Миклошичъ и др. Съѣздъ состоялся, и Славяне убѣдились, что взаимное пониманіе и общеніе между ними было возможно лишь на нѣмецкомъ языкѣ. Но на этомъ съѣздѣ не было русскихъ, ибо присутствіе эмигранта Бакунина никакъ не можетъ быть объяснено такъ, что и русскіе принимали участіе въ этомъ съѣздѣ Славянъ.

Естественно, что именно въ это время переворотовъ въ Австріи должна была сильнѣе проявиться мысль о необходимости отъискать болѣе реальную основу для сближенія Славянъ между собою, чѣмъ это было до сихъ поръ. Вопросъ о кирилловской азбукѣ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій выступилъ по этому теперь на видное мѣсто. Послѣ втораго изданія Pravopisa русско-чешскаго Пухмайера (1851 г.) сильный толчекъ этому вопросу данъ былъ Ѳ. И. Іезберой, который въ 1856 г. послалъ чешское стихотвореніе, написанное сербско-русскою кириллицею въ редакцію сербскаго журнала Седмица. Въ 19 № этого журнала за 1856 г. оно было напечатано и остановило на себѣ вниманіе сербскихъ читателей журнала, такъ какъ показалось по языку имъ понятнымъ. Всѣ замѣтили, что одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ ступеней на пути къ общеславянскому литературному объединенію—введеніе одной азбуки для всѣхъ славянскихъ нарѣчій и при томъ кириллицы, какъ вполнѣ приспособленной къ выраженію славянскихъ звуковъ и созданной спеціально для Славянъ. Даніилъ Медаковичъ, редакторъ журнала Седмица, и Матія Маяръ въ словенской газетѣ Novice отозвались на эту пробу примѣнить кириллицу къ чешской орѳогра-

фіи и указывали, что одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, ведущихъ къ единенію Славянъ въ литературѣ,—единство азбуки и орѳографіи. Матія Маяръ предлагалъ Словенцамъ изучать кириллицу и пробовалъ примѣнить ее къ своему родному нарѣчію. Навыкъ въ новой орѳографіи долженъ былъ идти, конечно, постепенно. Онъ считалъ принятіе Хорватами и Словенцами кириллицы вмѣсто латиницы—главнымъ и первымъ средствомъ къ сближенію между югославянскими литературами. „Не вѣрьте предразсудкамъ людей, взывалъ онъ, непріязненно расположенныхъ къ этому дѣлу, сѣющихъ по злобѣ или по невѣжеству сѣмена раздора и несогласія между братскими племенами. Будемъ больше обращать вниманія на то, что насъ соединяетъ, чѣмъ на то, что насъ дѣлитъ другъ отъ друга“ *).

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ во всѣхъ славянскихъ странахъ раздавались болѣе или менѣе благопріятные отзывы о предложеніи примѣнить кириллицу къ письму всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Одинъ Хорватъ Филипповичъ предложилъ, чтобы предстоящее торжество тысячелѣтія въ 1863 г. Кирилла и Меѳодія было освящено со стороны Хорватовъ принятіемъ кирилловскихъ письменъ взамѣнъ латиницы.

Ѳ. И. Іезбера не переставалъ дѣйствовать въ разъ принятомъ направленіи. Въ 1860 г. онъ издалъ брошюру: „o pismenech všech slovanských národův“, а въ 1861 г. обратился съ открытымъ письмомъ ко всѣмъ священникамъ, учителямъ и знатокамъ славянскихъ нарѣчій по поводу предстоящаго празднованія тысячелѣтія Кирилла и Меѳодія и предлагалъ принять кирилловскій алфавитъ въ примѣненіи къ чешскому языку. Наконецъ въ 1865 г. онъ издалъ первую чешско-словацкую азбуку славянскаго письма (Prvni česko-slovenský slabikař pismem slovanským). Для убѣжденія на примѣрѣ онъ съ 1862 г. изда-

---

*) Нилъ Поповъ: Вопросъ объ общеславянскомъ письмѣ. Соврем. Лѣтоп. 1865 г. Мы пользовались чешскимъ переводомъ статьи Urbanka (v Praze 1868 г.).

валъ въ Прагѣ журналъ *Словѣнинъ*, въ которомъ съ успѣхомъ примѣнялъ кирилловскій алфавитъ къ чешскому нарѣчію.

Къ этому же времени относится и патріотическая дѣятельность Матіи Маяра Цильскаго. Въ 1848 г. онъ напечаталъ книгу, въ которой предлагалъ правила для примѣненія кириллицы къ „иллирійскому" нарѣчію (Pravila kako izobraževati Ilirsko narečje i uobče slavenski jezik). Выражая во введеніи мысль, что всѣ славянскіе языки и нарѣчія должны сближаться взаимно но не отдѣляться другъ отъ друга внесеніемъ чужихъ элементовъ и развитіемъ особенностей народнаго выраженія въ литературномъ языкѣ, онъ говоритъ, что цѣль его сочиненія объяснить, какимъ образомъ нужно письменно сблизить иллирійскія нарѣчія: словенское, хорватское, сербское такъ, чтобы они постепенно объединились между собою. Въ 1850 г. въ изданной имъ словенской грамматикѣ Матія Маяръ указываетъ средства литературнаго сближенія Словенцевъ съ остальными югославянами. Онъ уже тогда имѣлъ въ виду изданіе общеславянской азбуки.

Воспоминаніе о протекшемъ тысячелѣтіи со времени Кирилла и Меѳодія и изобрѣтенія славянской азбуки оживили старанія создать почву для общеславянскаго литературнаго языка. Въ 1865 г. Матія Маяръ напечаталъ въ Прагѣ сочиненіе: Узаjемни правопис Славjанскі, то jе: Uzajemna slovnica ali mluvnica Slavjanska, а немного ранѣе въ 1864 г. тамъ же издалъ книгу: „Света брата Ціріл і Метод, славjанска апостола", посвященную тысячелѣтнему воспоминанію о дѣятельности славянскихъ апостоловъ.

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Маяръ излагаетъ просвѣтительную дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія въ связи съ распространеніемъ христіанства между Славянами. Въ этой книгѣ имѣются двѣ главы, въ которыхъ онъ разсматриваетъ судьбу славянской письменности и славянскаго богослуженія у католиковъ и православныхъ Славянъ: „како ста словство старославjанско і служба божjа славjанска по обредѣ рімокатолічком пісмені глаголітічкімі пропадаля"—и „како ста словство старославjанско і служба божjа славjанска по обредѣ православном пі-

смені ціріскімі крѣпко напредовала і се шіріла". Въ первой изъ указанныхъ главъ онъ останавливается на судьбахъ славянской литургіи въ Великой Моравіи, въ Чехіи, у Словаковъ, Поляковъ, Словенцевъ и Хорватовъ. Онъ считаетъ глаголическую азбуку католическою и, указывая на остатки славянскаго католическаго богослуженія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Далматіи и прибрежныхъ островахъ, выражаетъ слѣдующее желаніе: „пусть церковныя власти соблаговолятъ приказать и указать, чтобы глаголическіе служебникъ и требникъ (missale и rituale) вновь были напечатаны непремѣнно буква въ букву, точно такъ, какъ они нѣкогда были признаны святою (римско-католическою) церковью и введены,—а святымъ отцемъ римскимъ папою когда-то одобрены и напечатаны въ Римѣ, — но съ замѣною письменъ глаголическихъ письменами церковно-кирилловскими".

Матія Маяръ держится мнѣнія, что св. Кириллу принадлежитъ изобрѣтеніе глаголической азбуки, а что нынѣшняя кириллица передѣлана изъ греческихъ письменъ св. Климентомъ, слѣдуя въ этомъ за Шафарикомъ; но успѣхи православія и удержаніе службы на славянскомъ языкѣ онъ связываетъ съ употребленіемъ этой азбуки, которую называютъ кириллицей. Онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „болѣе всего святая христіанская церковь возрасла, болѣе всего служба божія на славянскомъ языкѣ по обряду православному расширилась и старославянская словесность наиболѣе обогатилась, благодаря кирилловскимъ письменамъ, именно съ тѣхъ поръ, когда великое и многочисленное русско-славянское племя приняло святое христіанское вѣроисповѣданіе".

Въ послѣдней главѣ своей книги о Кириллѣ и Меѳодіи, Матія Маяръ отвѣчаетъ на вопросъ: въ какомъ положеніи находится славянская письменность въ настоящее время. Первое его положеніе, что славянскій языкъ лищь одинъ, какъ былъ одинъ старогреческій, хотя въ Греціи писали на 4 нарѣчіяхъ. Перечисляя восемь письменныхъ языковъ славянскихъ (главные литературные языки: Русскій, Хорвато-Сербскій, Чешскій и Польскій,—второстепенные: Болгарскій, Хорутано-Словенскій, Угро-Словенскій (Словацкій) и Лужицко-Сербскій), Матія Маяръ замѣчаетъ

что вредъ не въ томъ, что Славяне говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ, а въ томъ, что они вмѣсто того, чтобы писать на одномъ общемъ для всѣхъ Славянъ „взаимномъ“ языкѣ, употребляютъ восемь „невзаимныхъ литературныхъ языковъ и язычковъ“. Чтобы исправить этотъ недостатокъ въ славянской жизни, Маяръ предлагаетъ писать взаимно. „Писать взаимно значитъ писать на теперешнихъ литературныхъ языкахъ, объясняетъ онъ, такъ, чтобы они постепенно сближались и стали настолько похожими между собою, чтобы каждый образованный Славянинъ въ случаѣ нужды могъ понимать всякую взаимно написанную славянскую книгу“. Достигнуть того, чтобы *взаимно писать*, по мнѣнію Матіи Маяра, легко. Зная опасенія и подозрѣнія многихъ славянскихъ патріотовъ, когда зайдетъ рѣчь о литературномъ объединеніи Славянъ, что оно грозитъ уничтоженіемъ мѣстныхъ литературъ, Маяръ спѣшитъ объяснить, что славянскій писатель лишь тогда будетъ писать *взаимно*, когда намѣренъ написать что нибудь такое, что имѣетъ общеславянское значеніе. Вся задача такого писателя — писать такъ, чтобы его языкъ *приближался* ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и чтобы при этомъ обойти нѣкоторыя различія своего языка отъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій.

Но для облегченія этой задачи Матія Маяръ видитъ необходимость создать одну общеславянскую азбуку. Онъ говоритъ: „гражданская кириллица должна быть примѣнена для насъ въ сочиненіяхъ и книгахъ, предназначенныхъ для всѣхъ Славянъ, какъ азбука *всеславянская*“. Въ различіи азбукъ и алфавитовъ славянскихъ онъ видитъ проявленіе несогласія между Славянами, этой „невзаимности“, противъ которой онъ вооружается, и предлагаетъ ввести русскую гражданку на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) гражданская азбука для славянскихъ языковъ—самый полный алфавитъ и не требуетъ соединенія двухъ знаковъ для выраженія одного звука (ш=sz, ч=cz); 2) она—священная, ибо ведетъ свое начало отъ св. Кирилла, какъ и глаголица; 3) она—славянская собственность и уже потому мила и дорога всякому Славянину; 4) она очень удобна и красива, что Маяру кажется само по себѣ достаточнымъ, чтобы она стала азбукой

всеславянской; наконецъ въ 5) она очень распространена въ мірѣ, ею пишетъ громадное большинство Славянъ (по Маяру 62 милліона), и черезъ Россію она идетъ и къ азіатскимъ народамъ. Но для примѣненія ея къ этому всеславянскому употребленію требуется произвести въ ней нѣкоторыя перемѣны, а именно Маяръ вводитъ j, при чемъ исключаетъ я, ю, и—и даетъ особое значеніе ь. Сербскіе знаки ђ, ћ, љ, њ, а также русское щ онъ предлагаетъ замѣнить дь, ть, ль, нь, шч. Очевидно, онъ не принялъ въ достаточное вниманіе ни польскаго, ни новоболгарскаго языковъ, ни особенностей другихъ славянскихъ нарѣчій.

Эта мысль о приспособленіи кириллицы къ азбукамъ всѣхъ Славянъ была выражена Матіей Маяромъ всего опредѣленнѣе и выяснена въ сочиненіи: „Узајемни правопис славјанскі“, вышедшемъ годъ спустя послѣ изданія его „Кирилла и Меѳодія“. Здѣсь онъ развиваетъ вышеуказанныя положенія, при чемъ разъясняетъ, что не слѣдуетъ думать, будто бы писателю-Славянину приходилось создавать новый *книжный* языкъ, ибо задача его должна ограничиться лишь стараніемъ приблизить свой языкъ къ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Въ своей грамматикѣ—„правописѣ“ Матія Маяръ разсматриваетъ всѣ теперешніе славянскіе литературные языки, какъ нарѣчія одного славянскаго языка, и всю нынѣшнюю Славянщину, какъ одно цѣлое: въ сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій онъ видитъ практическую цѣль, чтобы сравненіемъ установить взаимныя или иначе всеславянскія лексическія и этимологическія формы. Взаимными формами онъ считаетъ: 1) тѣ, которые обычны всѣмъ Славянамъ или большей части славянскихъ нарѣчій; 2) изъ двухъ формъ, одинаково распространенныхъ въ славянскихъ языкахъ, писатель можетъ выбирать любую, ибо обѣ „взаимны“; 3) изъ двухъ формъ, изъ которыхъ одна имѣетъ основанія въ этимологіи языка и оправдывается исторіей языка (doslědna i slovospitna), а другая нѣтъ, слѣдуетъ выбирать первую; 4) если нѣтъ въ извѣстномъ случаѣ слова, которое было бы распространено въ большинствѣ нарѣчій, то лишь сближеніемъ славянскихъ литературныхъ языковъ между собою установится *взаимная* форма.

Хотя Матія Маяръ признаетъ, чте нельзя измышлять „новаго языка“ и говоритъ, что его задача „учено устроить литературный языкъ“ у Славянъ, имѣющихъ восемь *невзаимныхъ* языковъ письменности, но обязывая пишущаго этимъ *взаимнымъ* языкомъ, хотя бы напримѣръ по русски, употреблять только извѣстныя слова и формы, примѣненныя по крайней мѣрѣ къ четыремъ главнымъ нарѣчіямъ, онъ во всякомъ случаѣ „измышлялъ“ искусственный языкъ. „Взаимно“ пишущему по русски пришлось бы, по теоріи Маяра, развитой въ его книгѣ, нерѣдко дѣлать заимствованія изъ другихъ славянскихъ языковъ не только въ области лексики, но и въ области формъ и синтаксическаго строя рѣчи,—чтобы быть вполнѣ понятнымъ и яснымъ для всѣхъ Славянъ.

Сознавая потребность устроить для такого *взаимнаго* языка одну орѳографію, Матія Маяръ предлагаетъ всеславянскую азбуку, состоящую изъ 29 буквъ, изъ которыхъ 26 знаковъ заимствованы изъ русской гражданки, одинъ знакъ (j) изъ латинской абецеды и два (ѫ и ж) изъ старославянскаго алфавита. Допуская вообще употребленіе латиницы и кириллицы въ примѣненіи къ славянскимъ языкамъ, Матія Маяръ ставитъ положеніе, что „азбука гражданская (кириллица), приспособленная къ дѣлу, должна употребляться въ сочиненіяхъ и книгахъ, предназначенныхъ для всѣхъ Славянъ, какъ азбука всеславянская“ (стр. V и 29). Рядомъ основательныхъ доказательствъ онъ опровергаетъ мнѣнія тѣхъ, которые указывали на латиницу, какъ на общеславянскую азбуку. Что касается единства правописанія, то Матія Маяръ строго держится принципа, что „всякій литературный языкъ долженъ имѣть орѳографію этимологическую (pravopis slo-voizpiten)“, а потому и славянскіе языки должны имѣть правописаніе, основанное на исторіи языка и этимологіи. Маяръ придаетъ вполнѣ основательно весьма важное значеніе этому условію, замѣчая, что при помощи этимологическаго правописанія „выработается непримѣтно“ одинъ всеславянскій языкъ. Поэтому онъ относится отрицательно къ фонетическому правописанію Вука Караджича сербской письменности, именно въ это время побѣждавшему всю оппозицію, веденную противъ него и въ Сер

біи, и за ея предѣлами, называетъ подобное правописаніе *просторѣчнымъ* и оставляетъ его лишь для изданія народныхъ сказокъ, пѣсенъ и т. д. и тѣхъ сочиненій, въ которыхъ долженъ быть представленъ говоръ простаго народа. Всѣ же остальныя сочиненія должны быть написаны языкомъ литературнымъ и этимологическою орѳографіею (стр. 51, 75).

Но Матія Маяръ полагаетъ своеобразные предѣлы этимологическому правописанію, часто подчиняясь вліянію своего роднаго нарѣчія и поддаваясь строю хорвато-сербской рѣчи. Въ выборѣ „взаимныхъ" формъ онъ тоже часто слѣдомъ идетъ за ними. Такъ онъ иногда даетъ двѣ *взаимныя* формы: напр. рука—руці, руцѣ или рукі, рукѣ, разум и розум,—иногда требуетъ писать форму, неоправдываемую его правиломъ о взаимной формѣ, употребительной въ большинствѣ славянскихъ нарѣчій, напр. *бріті се*, даетъ взаимную форму *двѣма*, предлагаетъ формы — *грізті* — *грізем*, *стрічі* (*стричь*) и даже вводитъ двойственное число (несева, -свѣ,—ста,—стѣ).

Самыя основанія, которыми руководствовался Матія Маяръ при установленіи формъ *взаимнаго* языка, и его методъ не могутъ выдержать критики. Онъ сопоставлялъ формы четырехъ славянскихъ языковъ (русскаго, хорвато-сербскаго, чешскаго и польскаго) со старославянскими и бралъ ту форму, какъ *взаимную*, которая встрѣчается въ трехъ изъ этихъ нарѣчій или которая кажется составителю болѣе удобной. Этотъ способъ, такъ сказать ариѳметическій, конечно не могъ быть удобенъ и повести къ устроенію этимологическаго правописанія, защищаемаго авторомъ книги. По пріему Маяра для слова *имя* дается „взаимная" форма *іме*, выведенная изъ старослав. *имѧ*, русск. *имя*, серб. *име*, чеш. *jmě*, польск. *imię*, род. пад. „взаимная" форма *имена* при формахъ старосл. имене, русск. имени, сербск. имена, чеш. jmene, польск. imienia и т. д. Говоря о стилѣ (besednja) взаимнаго языка, Матія Маяръ указываетъ способы, которыми ему можетъ быть приданъ характеръ взаимности. Правила или мѣры для этого слѣдующія: 1) писатель долженъ принять во вниманіе сочиненія по тому же предмету, о которомъ онъ пишетъ, на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; 2) число (datum)

должно ставиться по юліанскому и грегоріанскому календарямъ; 3) писатель долженъ брать метафоры и сравненія изъ славянской миѳологіи, исторіи, жизни и т. д., напр. вмѣсто выраженія „онъ былъ поэтъ, какъ Вергилій“ слѣдуетъ сказать: „онъ былъ славный поэтъ, какъ Державинъ“; вмѣсто: „мудрый законодатель, какъ Солонъ“ слѣдуетъ сказать: „какъ Управда“ (Юстиніанъ) и т. д.; 4) всякій писатель-славянинъ долженъ читать книги на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; наконецъ 5) писатель не долженъ заимствовать словъ изъ иностранныхъ языковъ, а заимствованныя уже замѣнять взятыми изъ славянскихъ нарѣчій (стр. 232).

Что касается болгарскаго и словенскаго письменныхъ языковъ, то Маяръ совѣтуетъ имъ „образовать свой языкъ взаимно и сложно“ съ Хорватами и Сербами, а Словакамъ и Лужичанамъ указываетъ сближеніе съ Чехами.

Если эти мнѣнія и предположенія Словенца, славянскаго патріота, заслуживаютъ вниманія и уваженія по ихъ искренности и чистотѣ намѣреній, то нельзя не сказать, что Матія Маяръ повторилъ попытку Юрія Крижанича съ тою разницею, что хорватскій панславистъ XVII в. имѣлъ болѣе основаній разсчитывать на возможность осуществленія своихъ идей. Тогда по крайней мѣрѣ славянской письменности на народныхъ языкахъ, за исключеніемъ литературы у Поляковъ и Хорватовъ-Далматинцевъ, почти не существовало, и Крижаничъ прямо указывалъ одинъ языкъ для всѣхъ Славянъ. Маяръ предвидѣлъ лишь въ будущемъ осуществленіе этого единства и намѣчалъ къ нему пути,—притомъ далеко неясные и пробитые на шаткой почвѣ произвола и личнаго вкуса. Согласно съ теоріей Маяра, кромѣ существующихъ литературныхъ языковъ должно было бы развиться по крайней мѣрѣ еще столько же книжныхъ взаимныхъ нарѣчій, ибо каждый Славянинъ могъ бы писать согласно съ своимъ роднымъ говоромъ, примѣняясь лишь къ идеальнымъ формамъ взаимнаго языка. Всякій писатель славянскій, по теоріи Маяра, долженъ быть непремѣнно Славистомъ и знатокомъ славянскихъ нарѣчій въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Это была послѣдняя изъ болѣе извѣстныхъ до сихъ поръ попытокъ создать искусственный общеславянскій языкъ.

Матія Маяръ вполнѣ основательно проводитъ мысль о необходимости одной азбуки для всѣхъ славянскихъ нарѣчій и находитъ ее въ русской гражданкѣ, но система его азбуки не можетъ быть названа удачною. Онъ старается упростить кириллицу и лишаетъ ее даже такого нужнаго ей знака, какъ *ы*, замѣняя его знакомъ *і* и смѣшивая съ *и*.

Послѣдняя изъ капитальныхъ попытокъ создать общеславянскую азбуку была сдѣлана А. Ѳ. Гильфердингомъ въ его книгѣ: „Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ Славянскихъ нарѣчій“ (1871 г.). Онъ исходитъ изъ положенія, что для введенія кириллицы въ употребленіе между Славянами, пользующимися латиницей, „нужно установить для каждаго нарѣчія систему правописанія фонетическую, найболѣе удобную для письма“. Въ виду этого онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ діакритическимъ знакамъ надъ кирилловской азбукой. Эта азбука вызвала довольно много критическихъ отзывовъ въ нашей и инославянской печати. Покойный профессоръ В. В. Макушевъ находилъ, что Гильфердингъ устанавливаетъ 8 азбукъ вмѣсто одной, а Бодуэнъ-де-Куртэнэ, не придаваябольшой важности азбучному объединенію Славянъ, считаетъ систему Гильфердинга не достигающею цѣли.

Исторія вопроса о примѣненіи азбуки, приспособленной къ литературному языку, въ исторіи Славянской письменности тѣсно связывается съ вопросомъ о свойствахъ и качествахъ самаго литературнаго языка. Поэтому вопросъ объ азбукѣ и ея типахъ всегда находилъ свое мѣсто не только въ сужденіяхъ объ общеславянскомъ языкѣ, но и при установленіи языка въ частныхъ славянскихъ литературахъ. Реформа сербскаго литературнаго языка Вука Караджича тѣсно была связана съ реформой системы ороографіи и азбуки. Тоже происходило и при установленіи новаго литературнаго языка у Чеховъ и Хорватовъ. Вся славяно-сербская школа писателей, ведшая упорную борьбу противъ вуковицы, хорошо понимала, что вмѣстѣ съ введеніемъ простаго народнаго языка въ сербскую книгу и принятіемъ

измѣненій, предложенныхъ Вукомъ, порываются историческія преданія сербскаго литературнаго языка, связывавшія его со старосербской литературой съ одной и съ новою русскою съ другой стороны. Еще въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ раздавались въ сербской литературѣ голоса противъ вуковицы и вообще противъ всякихъ измѣненій и нововведеній въ кирилловской ороографіи. Недавно умершій Эмиліянъ Чабра, одинъ изъ извѣстныхъ писателей и дѣятелей среди австрійскихъ Сербовъ, въ 1859 г. выступилъ съ брошюрою: „Словенска азбука, кириллица и латиница, една према другой", въ которой, говоря о требованіяхъ Матіи Маяра произвести нѣкоторыя измѣненія въ ороографіи, чтобы Словенцы могли употреблятъ кириллицу (Седмица N 30 за 1857 г.), выражаетъ опасеніе, что эти измѣненія, какъ бы малозначительны они ни были, могутъ оторвать и эту кириллицу отъ 60 милліоновъ Славянъ, оставшихся вѣрными установленному уже типу кириллицы. „Сербы, говоритъ онъ, если желаютъ добра, если они друзья своему потомству, не должны передѣлывать по своему кириллицу, но напротивъ того, должны всѣ произведенныя до нынѣ измѣненія уничтожить и вернуться къ своей прежней азбукѣ, которою писали Доментіанъ, св. Савва и др., ибо они, стоя сами по себѣ, а не въ связи съ остальными Славянами, имѣютъ лишь печальное, хотя и славное прошедшее, но будущности никакой". Чабра полагалъ, что измѣняя кириллицу для удобства одного или нѣсколькихъ нарѣчій, Славяне удаляются отъ языка, который „нѣкогда будетъ всеславянскимъ, т. е. церковнаго".

Но возвратимся къ исторіи попытокъ найти общеславянскій языкъ Болѣе ясные и просвѣщенные умы среди Славянъ видѣли всю невозможность создать искусственный общеславянскій языкъ и искали выхода или въ сближеніи славянскихъ нарѣчій между собою, или въ принятіи одного изъ живыхъ языковъ за общій всѣмъ Славянамъ для высшихъ литературныхъ цѣлей и взаимныхъ сношеній. Послѣднее, конечно, можетъ сдѣлаться само собою при усиленіи взаимныхъ связей и сношеній Славянскихъ народностей, но что касается единства языка книжнаго, языка науки и научной литературы, то достиженіе его требуетъ и бла-

гопріятныхъ обстоятельствъ, и усилій нѣсколькихъ поколѣній и талантливыхъ, дальновидныхъ дѣятелей.

Посредствующею ступенью въ развитіи вопроса объ единомъ общеславянскомъ языкѣ между поисками его въ искусственномъ смѣшеніи нарѣчій и выборомъ одного языка или нарѣчія, распространеніе котораго въ Славянскомъ мірѣ должно было придать ему значеніе общеславянскаго, является мысль Коллара, выраженная въ извѣстной его брошюрѣ: „Славянская взаимность".

Янъ Колларъ, пѣвецъ Slavy dcera, издалъ эту брошюру по нѣмецки въ 1837 году, но въ ней развиты мысли, которыя онъ высказывалъ раньше въ журналѣ Hronka, въ своихъ стихотвореніяхъ и въ „изслѣдованіи объ именахъ и бытѣ Славянъ". Колларъ былъ одинъ изъ тѣхъ искренно и глубоко увлекающихся и богато одаренныхъ поэтовъ, которые способны къ высшей идеализаціи явленій жизни и полны стремленій найти смыслъ и общую идею въ совершающемся вокругъ нихъ для освѣщенія путей будущаго. Въ это время появлялись труды и изслѣдованія Шафарика, охватывавшія прошедшее всего Славянства, слава Добровскаго, лишь недавно сошедшаго въ могилу, послѣ его смерти лишь возростала, на Балканскомъ югѣ сербское княжество, недавно возникшее, указывало и на начало политическаго возрожденія Славянства. Славныя побѣды Россіи и успѣхи ея политической дѣятельности должны были поднять духъ славянскаго поэта, окрылить его и вселить убѣжденіе, что близка пора полнаго возрожденія Славянскихъ народностей.

Въ 1836 г. Колларъ помѣстилъ въ Словацскомъ альманахѣ Zora стихотвореніе Slovan, хотя написанное по одному прозаическому отрывку Антонина Марка, но характеризующее его панславянскіе взгляды *). „Что Богъ соединилъ, то человѣкъ да

*) Прозаическій отрывокъ Марка напечатанъ кириллицей въ числѣ образцовъ, приложенныхъ ко второму изданію Пухмайера: Pravopis rusko-česky, подъ заглавіемъ: Наше гесло, вѣроятно Ганкою. Стихотвореніе это помѣщается въ изданіяхъ собранныхъ сочиненій Коллара, подъ заглавіемъ Slavjan въ I томѣ.

не разлучаетъ. А то, что сама мать природа соединила языкомъ, тѣмъ святымъ узломъ, то ты, человѣкъ, не смѣй разрывать злостною и завистливою рукою!" — такъ начинаетъ свое стихотвореніе Колларъ. Далѣе онъ указываетъ на группу западныхъ Славянъ, Словаковъ, Моравцевъ, Шлезаковъ и Поляковъ съ Чехами, и группу юго-восточныхъ: Русскихъ съ Болгарами и Сербо-Хорватами, какъ тѣснѣе связанныхъ другъ съ другомъ по языку. Перечисляя за тѣмъ отдѣльныя славянскія народности, онъ останавливается на Поморянахъ, Лужицкихъ Сербахъ, Дунайскихъ Сербахъ, Краинцахъ, Славонцахъ, Хорватахъ, Далматинцахъ. „Ахъ, нѣкогда были печальныя времена.. когда чужеземцы среди насъ сѣяли проклятое сѣмя раздора", говоритъ онъ и выражаетъ надежды, что теперь вражеское сѣмя не найдетъ болѣе благопріятной для себя почвы. „Мы видимъ братьевъ согласныхъ между собою на широкомъ полѣ книги и письменности", восклицаетъ поэтъ, передѣлывая слова Марка о мирной встрѣчѣ Славянъ „на полѣ знаній и торговли". Видя въ успѣхахъ русскихъ на Кавказѣ и въ развитіи русскаго мореходства успѣхи славянскіе, поэтъ указываетъ и на успѣхи на полѣ наукъ и искусствъ. Онъ вспоминаетъ о кириллицѣ и глаголицѣ и замѣчаетъ, что въ какомъ бы платьѣ ни являлись плоды славянскаго духа, они остаются плодами *одного* духа. „Я чувствую, что все Славянство — мое, и я принадлежу ему!" говоритъ онъ вслѣдъ за Маркомъ; — „мой народъ — мое отечество, а мое отечество имѣетъ неизмѣримыя границы; живу я въ болѣе широкомъ мірѣ, чѣмъ можетъ допустить зависть, я — сынъ болѣе сильнаго народа, чѣмъ она можетъ себѣ представить; надъ пространнымъ моимъ дорогимъ отечествомъ никогда не заходитъ красное солнышко".

Подобныя мысли славянскаго патріотизма, выраженныя въ удачномъ и по внѣшней своей формѣ стихѣ Коллара, въ это время занимали всѣхъ выдающихся славянскихъ дѣятелей. Это была романтическая пора въ жизни возрождающагося Славянства. Представленіе о всеславянствѣ, какъ единомъ цѣломъ въ далекомъ прошедшемъ, вызывало на разсужденіе о его будущемъ, возбуждало мечты о возвращеніи къ старому единству...

Если историческія и археологическія изслѣдованія о прошедшей жизни Славянъ приводили къ блестящимъ результатамъ и расширяли горизонтъ европейской науки, то мечты о будущемъ Славянства давали обильный матеріялъ для поэзіи.

Колларъ въ своей поэмѣ (Slavy dcera) въ аллегорическихъ формахъ выражалъ тѣже мысли о всеславянствѣ (Všeslavia), призывая всѣхъ Славянъ къ взаимному согласію и миру.

Но какъ достигнуть этого мира въ вопросѣ о литературномъ объединеніи Славянъ? Колларъ рѣшаетъ его своебразно, откидывая при томъ самый вопросъ объ единомъ общеславянскомъ литературномъ языкѣ. Въ своемъ сочиненіи о „Литературной взаимности Славянъ" Колларъ проводитъ мысль о необходимости единенія Славянъ — духовнаго, а не внѣшняго. Доказывая несостоятельность подозрѣнія, что мысль о литературной взаимности Славянъ можетъ побудить ихъ къ возстаніямъ противъ правительствъ, и что осуществленіе единства литературнаго возможно и при нынѣшнемъ положеніи Славянъ, живущихъ подъ разными правительствами, Колларъ утверждаетъ, что „взаимность эта не состоитъ ни въ смѣшеніи всѣхъ славянскихъ языковъ въ одинъ главный языкъ, ни въ принятіи одного письменнаго главнаго нарѣчія, какъ объ этомъ стали мечтать нѣкоторые Слависты. Славянскія нарѣчія отчасти грамматически такъ удалены одно отъ другаго, что не могутъ уже быть соединены въ одно, отчасти филологически нѣкоторыя изъ нихъ уже такъ развиты, и такъ богаты прекрасными сочиненіями, что отъ человѣческой слабости, суетности и самолюбія никоимъ образомъ нельзя ожидать, чтобы какая нибудь народность пожертвовала своею самостоятельностью, какова бы она ни была, отказалась отъ блага до сихъ поръ добытаго съ немалымъ трудомъ, забыла его или отреклась отъ него. Большинство Славянъ держится съ прирожденной и столькими столѣтіями освященной любовью своего нарѣчія и уже каждое развило свою литературу и стало образованнымъ настолько, что не можетъ спокойно уступить или забыть добытое" (§ 3.).

Руководясь тѣми же соображеніями, Колларъ не заботится и о томъ, чтобы у Славянъ была одна азбука. Онъ выражаетъ

увѣренность, что славянскія азбуки сведутся къ тремъ типамъ: глаголицѣ, кириллицѣ и латиницѣ, знаніе которыхъ считаетъ обязательнымъ для каждаго Славянина (§ 15).

Для достиженія „взаимности литературной" у Славянъ, Колларъ считаетъ необходимымъ, чтобы всякій „невысокоученый, а стоящій на первой ступени образованія и просвѣщенія Славянинъ" зналъ четыре главныхъ славянскихъ нарѣчія: русское, сербское, польское и чешско-словацкое. Славянинъ „втораго разряда" долженъ изучать и меньшія нарѣчія и поднарѣчія, какъ малорусское, словенское, болгарское, лужицкое и т. д. Наконецъ Славянинъ „третьяго разряда" долженъ знать всѣ славянскія нарѣчія какъ живыя, такъ и мертвыя. Но эти желанія Коллара такъ далеки отъ возможности быть осуществленными, что и самъ онъ принужденъ былъ свое сочиненіе издать по нѣмецки, ибо знаніе славянскихъ нарѣчій „и въ средѣ ученыхъ Славянъ рѣдко и ограничено". Въ этомъ фактѣ очевидно противорѣчіе между его планами и проектами о способахъ славянской литературной взаимности и дѣйствительною жизнью, не дающею права предполагать, что его мечты могутъ осуществиться (§ 4).

По теоріи Коллара, примѣнившаго къ Славянамъ извѣстное выраженіе: homo sum et nihil humani a me alienum puto,—я Славянинъ и ничего славянскаго не считаю себѣ чуждымъ (§ 4), всякій образованный Славянинъ долженъ быть въ извѣстной степени знатокомъ славянскихъ нарѣчій. „Полякъ, говоритъ онъ въ заключительной главѣ (§ 20), не долженъ быть только Полякомъ, но и Славо-Полякомъ,—онъ долженъ читать не только свои, но и русскія, и чешскія, и сербскія книги". Тоже онъ говоритъ о Русскомъ, Чехѣ и Сербѣ.

Но Колларъ указываетъ и практическія мѣры, которыя, по его мнѣнію, могутъ содѣйствовать осуществленію этой идеи взаимности. Эти мѣры слѣдующія: 1) основаніе во всѣхъ главныхъ славянскихъ городахъ книжныхъ лавокъ, въ которыхъ возможно было бы пріобрѣтать книги на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; 2) обмѣнъ книгъ между писателями различныхъ племенъ; 3) учрежденіе каѳедръ всѣхъ славянскихъ нарѣчій; въ хрестоматіи школьныя должны быть введены статьи, знакомящія дѣтей

со славянскою жизнью, ея прошлымъ, жизнью великихъ людей— Славянъ и т. д.; 4) основаніе одного литературнаго журнала, въ которомъ бы помѣщались статьи на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и оцѣнивались всѣ литературныя новинки, выходящія по славянски; 5) устройство частныхъ и общественныхъ библіотекъ, въ которыхъ были бы книги на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; 6) изданіе сравнительныхъ грамматикъ и словарей всѣхъ нарѣчій; 7) собираніе и изданіе сборниковъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ; 8) постепенное устраненіе чужихъ словъ и формъ, вошедшихъ въ языкъ и замѣна ихъ славянскими: „этимъ способомъ дойдемъ до того, что получимъ общеславянскій языкъ, т. е. такой, который будетъ легко понятенъ всякому Славянину, какой бы народности онъ ни былъ"; 9) слѣдуетъ создать однообразное „философское" правописаніе, согласное съ духомъ славянскаго языка; такая орѳографія должна быть усвоена всѣми Славянами или по крайней мѣрѣ тѣми, которые употребляютъ одинаковыя буквы — латиницу или кириллицу (§ 19).

Такимъ образомъ понятіе „общеславянскаго" языка существенно видоизмѣнялось въ представленіи Коллара. Подъ нимъ онъ понималъ всякій славянскій языкъ, очищенный отъ варваризмовъ и заимствованій всякаго рода и сближенный съ другими славянскими нарѣчіями при помощи заимствованій.

Эти мнѣнія Коллара, одного изъ популярнѣйшихъ писателей-панславистовъ, нашли много приверженцевъ въ славянскомъ мірѣ, и его брошюра была переведена на многіе славянскіе языки. По мысли Коллара, молодые люди въ то время во всѣхъ славянскихъ странахъ принялись за изученіе славянскихъ нарѣчій, и знакомство со славянскимъ міромъ стало распространяться между Славянами. Но „литературная взаимность" не есть „литературное объединеніе" Славянъ и не можетъ дать цѣльности единства дѣятельности Славянъ на полѣ просвѣщенія и письменности. Колларъ хорошо понималъ ту чувствительную сторону каждой изъ славянскихъ народностей, которая затрогивалась вопросомъ о возможности литературнаго объединенія Славянъ въ языкѣ науки и литературы. Каждая славянская народность, возбужденная новымъ духомъ жизни къ сознанію своей

особности, естественно ощутила прежде всего свое отличіе отъ другихъ по языку. Если справедливо, что мысль о славянскомъ объединеніи болѣе всего развивалась у тѣхъ Славянъ, положеніе которыхъ было болѣе печально и трудно, если мечты объ единствѣ литературнаго языка высказывались всего сильнѣе тамъ, гдѣ всего труднѣе была борьба за сохраненіе своего національнаго существа, и тогда, когда предстояло всего болѣе трудностей для созданія своей литературы, то нельзя отрицать и того, что именно сознанію общности со всѣмъ славянскимъ міромъ меньшія славянскія народности обязаны нынѣшнимъ своимъ прогрессомъ какъ на политическомъ, такъ и на литературномъ поприщѣ. Но этотъ прогрессъ — почти безсиленъ предъ напоромъ могучей романо-германской культуры и самъ нерѣдко представляетъ лишь слабое отраженіе именно этой культуры. Онъ легко можетъ погибнуть, если славянскія народности не найдутъ выхода изъ своего труднаго положенія въ осуществленіи культурнаго общеславянскаго единства. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятны всѣ поиски Славянъ—способовъ для литературнаго объединенія.

Попытки создать искусственный литературный языкъ, какъ мы видѣли, не привели къ результатамъ, да и не могли привести, потому что живой организмъ языка не терпитъ искусственно созданныхъ рамокъ, и Прокрустово ложе оказывается безсильнымъ заставить его сжаться и сократиться. Мысль Коллара о возможности научить весь образованный славянскій міръ славянскимъ нарѣчіямъ повела къ распространенію знаній о Славянахъ, но она ничего не могла дать для рѣшенія вопроса о литературномъ единствѣ Славянъ. Руководясь мыслью Коллара о любви Славянъ къ родному языку, ни одна славянская народность, какъ бы она ни была малочисленна и какъ бы ея литература ни была не развита (Болгаре, Словенцы, Лужичане, Словаки), не можетъ не претендовать, чтобы и ея языку было придано такое же общеславянское значеніе, какъ и четыремъ перечисленнымъ у Коллара. Съ этой стороны Матія Маяръ пошелъ далѣе, предлагая каждому Славянину писать на своемъ нарѣчіи, но лишь *взаимно*. Остается одинъ способъ разрѣшить вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ: воспользоваться

однимъ изъ славянскихъ языковъ, имѣющихъ уже достаточно развитую литературу, и знаніе его сдѣлать обязательнымъ для всякаго мало-мальски образованнаго Славянина. Естественно, что такимъ рѣшеніемъ вопроса затрогивается самолюбіе отдѣльныхъ славянскихъ народностей.

Эти поиски за общеславянскимъ литературнымъ языкомъ вызвали нѣсколько мнѣній. Профессоръ пражскаго университета Мартинъ Гаттала въ своихъ неоконченныхъ статьяхъ „o vše-slovanském jazyku a písmě“ (Osveta 1871 и 1872) говоритъ: „если бы я долженъ былъ выбирать, руководясь лишь своимъ вкусомъ, я бы остановилъ свой выборъ на хорвато-сербскомъ нарѣчіи, считая его самымъ *красивымъ* изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій“. Но такъ какъ *красота* языка дѣло условное и спорное, то профессоръ Гаттала приходитъ къ заключенію, что изъ главныхъ славянскихъ языковъ ни одинъ не удовлетворяетъ требованіямъ, чтобы тотчасъ и безъ всякихъ измѣненій могъ стать всеславянскимъ. Между языками второстепенными, слѣдуя дѣленію Коллара, Гаттала считаетъ языкъ Словенцевъ болѣе устроеннымъ, чѣмъ языкъ Словаковъ и лужицкихъ Сербовъ (Osvěta, 1872, стр. 219).

Въ сборникѣ, изданномъ въ 1863 г. въ Любдянѣ въ память тысячелѣтія Кирилла и Меѳодія „Zlatni věk“ помѣщено стихотвореніе мѣстнаго поэта Хладника, въ которомъ предлагается Славянамъ принять латиницу и „новословенщину“, какъ общія для всѣхъ Славянъ...

Но всѣ эти голоса, предлагавшія Славянамъ принять малыя нарѣчія общеславянскими, не находили никакого отзыва.

Громче всего до сихъ поръ раздавались среди Славянъ голоса о принятіи русскаго языка общеславянскимъ. Всего раньше мысль эта была высказана Чехами. Еще въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія чешскіе ученые обнаруживали большую любознательность въ отношеніи Россіи. Добровскій въ своихъ изданіяхъ, какъ Slavin и Slovanka, касается часто Россіи и знакомитъ своихъ читателей съ нею и ея литературою. Поднимая борьбу за самостоятельное развитіе чешскаго народа,

однимъ изъ славянскихъ языковъ, имѣющихъ уже достаточно развитую литературу, и знаніе его сдѣлать обязательнымъ для всякаго мало-мальски образованнаго Славянина. Естественно, что такимъ рѣшеніемъ вопроса затрогивается самолюбіе отдѣльныхъ славянскихъ народностей.

Эти поиски за общеславянскимъ литературнымъ языкомъ вызвали нѣсколько мнѣній. Профессоръ пражскаго университета Мартинъ Гаттала въ своихъ неоконченныхъ статьяхъ „o vše-slovanském jazyku a písmě“ (Osveta 1871 и 1872) говоритъ: „если бы я долженъ былъ выбирать, руководясь лишь своимъ вкусомъ, я бы остановилъ свой выборъ на хорвато-сербскомъ нарѣчіи, считая его самымъ *красивымъ* изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій“. Но такъ какъ *красота* языка дѣло условное и спорное, то профессоръ Гаттала приходитъ къ заключенію, что изъ главныхъ славянскихъ языковъ ни одинъ не удовлетворяетъ требованіямъ, чтобы тотчасъ и безъ всякихъ измѣненій могъ стать всеславянскимъ. Между языками второстепенными, слѣдуя дѣленію Коллара, Гаттала считаетъ языкъ Словенцевъ болѣе устроеннымъ, чѣмъ языкъ Словаковъ и лужицкихъ Сербовъ (Osvěta, 1872, стр. 219).

Въ сборникѣ, изданномъ въ 1863 г. въ Люблянѣ въ память тысячелѣтія Кирилла и Меѳодія „Zlatni věk“ помѣщено стихотвореніе мѣстнаго поэта Хладника, въ которомъ предлагается Славянамъ принять латиницу и „новословенщину“, какъ общія для всѣхъ Славянъ...

Но всѣ эти голоса, предлагавшія Славянамъ принять малыя нарѣчія общеславянскими, не находили никакого отзыва.

Громче всего до сихъ поръ раздавались среди Славянъ голоса о принятіи русскаго языка общеславянскимъ. Всего раньше мысль эта была высказана Чехами. Еще въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія чешскіе ученые обнаруживали большую любознательность въ отношеніи Россіи. Добровскій въ своихъ изданіяхъ, какъ Slavin и Slovanka, касается часто Россіи и знакомитъ своихъ читателей съ нею и ея литературою. Поднимая борьбу за самостоятельное развитіе чешскаго народа,

чешскіе патріоты и ученые должны были рано обратить свои взоры на единственное славянское государство, которое самымъ своимъ существованіемъ поддерживало духъ бодрости въ славянскихъ дѣятеляхъ.

Пухмайеръ въ предисловіи къ Chrámu Gnidskému (1804) говоритъ, что литературное соединеніе Славянъ—мысль, которая должна воспламенять славянскихъ писателей. Знаменитый польскій ученый Линде въ предисловіи къ своему Słowniku języka Polskiego въ 1807 г. говоритъ, что предъ его глазами „носилось очертаніе какого-то общаго славянскаго языка".

Но опредѣленнѣе всѣхъ въ это время думалъ объ общеславянскомъ языкѣ просвѣщенный и ученый лексикографъ чешскій Юнгманъ.

Въ то время, когда Добровскій плохо вѣрилъ въ созданіе чешскаго литературнаго языка для науки и письменности, Юнгманъ не только вѣрилъ въ созданіе новой чешской литературы, но и старался найти такой путь, который бы далъ возможность чешскому литературному языку сблизиться съ остальными славянскими нарѣчіями. Въ переводѣ Аталы Шатобріана въ 1805 году онъ употреблялъ слова, заимствованныя изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, а въ переводѣ „Потеряннаго Рая" Мильтона (изд. въ 1811 г.), употребляя старо и инославянскія слова, особенно же русскія и польскія, имѣлъ въ виду, чтобы славянскія нарѣчія шли другъ къ другу на встрѣчу для образованія всеславянскаго языка. Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этому времени, онъ говоритъ: „желай вмѣстѣ съ людьми разсудительными, чтобы и мы, Чехи, постепенно шли на встрѣчу всеобщему литературному языку славянскому" *).

Въ перепискѣ съ Антониномъ Маркомъ, недавно напечатанной въ чешской Часописи, Юнгманнъ еще въ 1809 г. иногда употреблялъ кириллицу, а въ 1810 г. пишетъ своему другу: „я крѣпко вѣрю, что русское могущество осилитъ Французовъ, а намъ Славянамъ это должно быть утѣшительно, такъ какъ тогда всѣ славянскія нарѣчія соединятся къ одно. Мы отъ Рус-

*) Václava Zeleného. Život Josefa Jungmanna стр. 45—46.

скихъ, а они отъ насъ примутъ усовершенствованіе языка" *). Слѣдя съ чрезвычайнымъ интересомъ за ходомъ борьбы между Французами и Русскими, Юнгманнъ въ своихъ письмахъ къ католическому священнику Антонину Марку, занимавшемуся вопросомъ объ упорядоченіи орѳографіи и азбуки у западныхъ Славянъ, часто упоминаетъ о Россіи и ея значеніи для Славянства. Въ 1811 г. онъ выражаетъ надежды, что „Русскіе затопятъ половину Европы и соединятъ большую часть Славянъ" **). Въ 1814 г., когда русскія войска были уже въ Парижѣ, Юнгманнъ пишетъ: „если Александръ оставитъ за собою Варшаву, то это—будетъ значительный успѣхъ (въ дѣлѣ соединенія Славянъ), и мы будемъ привыкать къ кириллицѣ, что рѣшитъ всего легче вопросъ (о правописаніи и азбукѣ). Еслибы мы, латинники, (т. е. пишущіе латиницей) соединились, то это была бы только половина (Славянъ) и даже не половина". И затѣмъ приписываетъ по русски: „но дай Богъ Русумъ щастіе, они же о споѣніе (соединеніе) постараются" ***).

Но еще яснѣе и рѣзче онъ по этому поводу выражается въ письмѣ къ Антонину Марку отъ 5 Октября 1831 года во время польскаго возстанія. Онъ писалъ ему тогда: „я жалѣю Поляковъ, но радуюсь за Славянство, видя, что у него гибнетъ домашній врагъ. Паденіемъ польщины расширится русская рѣчь, а это, быть можетъ, первый шагъ къ всеобщему славянскому письменному языку, которымъ будетъ не иной, какъ русскій" ****).

Въ своей автобіографической запискѣ, составленной въ 1845 году, когда Юнгманну было 72 года, онъ помѣстилъ главу подъ заглавіемъ: „всеславянскій письменный языкъ". Проводя здѣсь параллель между Нѣмцами и Славянами, онъ говоритъ, что Нѣмцы должны бы послужить Славянамъ образцомъ во многихъ отношеніяхъ: „Нѣмецъ, говоритъ Юнгманнъ, умно разсуждаетъ: если я пишу по саксонски, я все таки пишу по нѣмецки, а дома гово-

*) Časopis Muzea království Českého. 1881 г. стр. 508.

**) Ibidem 1881 стр. 521.

***) Ibidem за 1882 г. стр. 41—42.

****) Ibidem стр. 338.

ря, какъ умѣю и хочу". Не такъ разсуждаетъ Славянинъ! Полякъ говоритъ: если стану писать по русски, я перестану быть полякомъ, и такимъ образомъ всякій посвоему пишетъ. У Нѣмцевъ вѣроисповѣдное различіе не мѣшаетъ употреблять одинъ и тотъ же языкъ и имѣть одну литературу. У Славянъ различіе религій проводитъ непроходимыя границы между родными братьями. Нѣмцы, имѣя одну латинскую азбуку, хотя весьма несовершенную и недостаточную для ихъ языка, стремясь къ единству, довольствуются ею и пользуются для прекрасныхъ произведеній. Славяне же, раздѣленные на двѣ большія части и азбукою то греческою, то латинскою, примѣняемою при томъ различнымъ образомъ, какъ напр. Русскіе и Сербы, Поляки и Чехи и т. д., постоянно идутъ врозь, чуждаются другъ друга. Взаимность ихъ литературъ, нѣсколько пробужденная въ новѣйшія времена, представляетъ лишь слабое и мало значительное отраженіе нѣмецкаго единства. Во сколько было бы лучше, по примѣру Нѣмцевъ, употреблять одно какое нибудь нарѣчіе, какъ вообще литературный языкъ, который бы обогощался и облагороживался вѣчно и чрезвычайно другими нарѣчіями". Указывая далѣе, что онъ выражалъ тѣже мысли въ предисловіи къ первому изданію перевода Потеряннаго Рая, и вспоминая о преслѣдованіи за нихъ, которому онъ подвергся, благодаря мстительному Яну Неѣдлому, Юнгманнъ продолжаетъ: „я полагаю, что если у Нѣмцевъ при единствѣ литературы и языка письменности можетъ существовать нѣсколько правительствъ, тамъ прусское, тутъ австрійское, тамъ баварское, тутъ виртембергское и т. д., почему бы у Славянъ, при употребленіи одного языка письменности, не могли сохраниться различныя политическія отдѣленія Русскихъ, Сербовъ, Австрійскихъ, Прусскихъ, Турецкихъ Славянъ? Это пугало панславизма, котораго боятся или притворяются, будто боятся, наши непріятели, измышленіе эгоизма и ненависти и, при томъ, ненависти неразумной и слѣпой, которая лелѣетъ свой пангерманизмъ, а намъ не желаетъ ничего подобнаго, хотя бы лишь нѣсколько похожаго, и, вдобавокъ, не стыдится громко объявлять о своемъ умыслѣ держать насъ въ вѣчномъ раздѣленіи и порабоще-

ніи. Я—искренный и любящій свою народность Чехъ, но я готовъ и чешскій языкъ принести въ жертву всеславянскому литературному языку, хорошо зная, что на какомъ бы нарѣчіи мы ни писали,—всегда останемся Славянами. О, если бы высокіе правители примирились съ этою мыслью и пожелали намъ того, къ чему мы призваны самою природою!"

Эти сужденія Юнгманна тѣмъ замѣчательнѣе, что они принадлежатъ великому чешскому патріоту и дѣятелю на поприщѣ воскрешенія чешской литературы и ея языка. Юнгманна нельзя обвинить въ недостаткѣ дальновидности, знаній и чешскаго патріотизма. Составитель извѣстнаго чешскаго Словаря, надъ которымъ онъ работалъ болѣе 30 лѣтъ, — далекъ отъ подозрѣній въ увлеченіяхъ панславистскими мечтами и обвиненій въ поэтической идеализаціи столь важнаго вопроса, какъ вопросъ о существованіи общеславянской литературы и языка, при разрѣшеніи котораго всѣ славянскія литературы отойдутъ на задній планъ, и чешскій языкъ, столь многимъ обязанный Юнгманну, станетъ лишь языкомъ чисто мѣстной письменности.

Но Юнгманнъ, содѣйствуя сближенію чешскаго языка съ русскимъ и радуясь всякому успѣху какъ русской жизни, такъ и русской литературы, видя въ немъ приближеніе къ разрѣшенію вопроса объ объединеніи Славянъ, не рѣшался высказать громко мысль о роли русскаго языка, какъ общеславянскаго. Эта мысль была высказана печатно въ 1837 г. словенцемъ Кузмани. Почти одновременно съ изданіемъ брошюры Коллара „Славянская взаимность", Карлъ Кузмани (16 Ноября 1806 — 11 Августа 1866), бывшій подъ конецъ жизни суперъинтендентомъ евангелической словацкой церкви въ Угорщинѣ, писалъ въ журналѣ Hronka, имъ издаваемомъ въ Великой Быстрицѣ, о значеніи единства въ языкѣ письменности *). Онъ считаетъ самымъ большимъ бѣдствіемъ Славянъ при теперешн-

---

*) За неимѣніемъ подъ руками журнала „Hronka", пользуемся переводомъ мѣстъ изъ статей Кузмани, помѣщенномъ проф. В. И. Ламанскимъ въ статьѣ: „Изученіе славянства и русское самосознаніе", Журналъ Минист. Нар. Просв. за 1867 г. Часть CXXXIII.

немъ ихъ положеніи не раздѣленіе ихъ по вѣроисповѣданію, не раздробленность ихъ политическую и подчиненность различнымъ правительствамъ, а именно отсутствіе у нихъ литературнаго единства въ языкѣ. „Письменный языкъ, говоритъ онъ, есть какъ бы жила, соединяющая всѣ члены народнаго тѣла, хотя бы и раздѣленнаго на разныя части многими правительствами, исповѣданіями и нарѣчіями. Какъ жила соединяетъ всѣ части извѣстнаго члена, такъ одинъ письменный языкъ соединяетъ всѣ нарѣчія, поднарѣчія и говоры одного народа въ одинъ языкъ, въ одну рѣчь, всѣ племена въ одинъ народъ, ибо не правительства и государства, не исповѣданія опредѣляютъ народъ, а его языкъ, рѣчь. Одинъ народъ можетъ быть подъ многими и различными правительствами, и одно правительство можетъ быть надъ различными народами... Нѣтъ сомнѣнія, что во время принятія христіанства Славяне всѣхъ племенъ и нарѣчій могли бы, если бы судьбою не было рѣшено иначе, общею всеславянскою жизнью образовать себѣ одинъ литературный языкъ".

Но на этихъ размышленіяхъ о возможности всеславянскаго языка Кузмани не остановился. Въ 1838 г., ровно черезъ годъ послѣ смерти Пушкина, какъ замѣчаетъ проф. Ламанскій, Кузмани, быть можетъ, подъ вліяніемъ мысли Коллара о взаимномъ изученіи славянскихъ нарѣчій, прямо заявляетъ, что Славяне должны избрать одинъ какой нибудь языкъ изъ славянскихъ общимъ-литературнымъ и указываетъ на русскій. Вотъ это мѣсто: „Пора намъ, Славянамъ, рѣшительно позаботиться объ изученіи всѣхъ главныхъ нашихъ нарѣчій; но еще лучше было бы, еслибъ мы всѣ, по примѣру древнихъ Грековъ, стали предпочтительно изучать одно какое нибудь нарѣчіе. При нашемъ положеніи, это, конечно, представляетъ великія неудобства. Знаю, что если мы изучаемъ русское нарѣчіе, читаемъ русскія книги и другихъ къ тому уговариваемъ, то это обозначаетъ въ глазахъ извѣстной партіи, какъ бы стремленіе южныхъ и западныхъ Славянъ къ политическому соединенію съ Россіей. Но, не обращая вниманія на такіе толки, надо строго обдумать, какое изъ нашихъ нарѣчій къ этому наиболѣе сподручно, имѣетъ за собою наиболѣе вѣроятности, правъ и возможности быть

принято всѣми племенами за объединяющее насъ всѣхъ орудіе. Я же того мнѣнія, что мы должны принять *русскій языкъ*. Русское племя—самое сильное, литература самая богатая и языкъ его самый панславянскій. Намъ, Словакамъ, онъ гораздо ближе, чѣмъ мы вообще думаемъ. И даже самая азбука, хотя намъ не милая, наиболѣе удобна для нашей рѣчи. Будущее, особенно нынѣ открывающееся Россіи, подыметъ русскую литературу и широко распространитъ русскій языкъ, ибо что есть въ ней прекраснаго и отборнаго, то не встрѣтитъ себѣ заставы ни на Прутѣ, ни на Нѣманѣ. Только введеніемъ одного нарѣчія всеславянская взаимность добудетъ себѣ живую искру для литературы, высшихъ наукъ и для духовнаго объединенія".

Эта мысль о всеславянскомъ значеніи русскаго языка была лишь опредѣленно выражена Кузманіемъ, но она задолго до 1838 года имѣла своихъ сторонниковъ. Мы уже указывали на Юнгманна и отмѣтили его сужденія объ этомъ вопросѣ, относящіяся къ первымъ десятилѣтіямъ текущаго столѣтія. Челяковскій, издавшій въ Прагѣ въ 1829 г. „Ohlas písní ruských" (отголоски русскихъ пѣсенъ), пробовалъ даже переписываться на русскомъ языкѣ съ друзьями Чехами, и Ганка, впослѣдствіи открывшій въ Пражскомъ университетѣ курсъ русскаго языка, до того времени, когда Кузмани выступилъ съ своимъ мнѣніемъ о всеславянскомъ языкѣ, выражали подобное же мнѣніе.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ Чехіи создалось даже особое техническое имя: Vlastenec для обозначенія чешскаго патріота, но *властенцы* вмѣстѣ съ тѣмъ были и славянскими патріотами. „Само собою разумѣется", говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Якубъ Малый, на дняхъ умершій (23 Февраля 1885 года), „что кто только принималъ почетное имя „vlastenec", долженъ былъ считать своего обязанностью заниматься весьма старательно въ самомъ крайнемъ случаѣ хотя однимъ славянскимъ нарѣчіемъ, а съ остальными по меньшей мѣрѣ познакомиться настолько, чтобы безъ большой трудности понимать сочиненія, написанныя на нихъ" *). Такимъ образомъ идея національнаго

*) Jakub Malý. Zpominky a úvahý starého vlastence 1872 г. стр. 50.

чешскаго возрожденія связывалась въ эту пору съ развитіемъ сознанія славянской общности и единства. Мысль о русскомъ языкѣ, какъ общеславянскомъ, такъ или иначе становилась въ Чехіи на практическую почву.

Мнѣніе Кузмани о роли русскаго языка впослѣдствіи было повторено различными славянскими писателями, но самымъ сильнымъ и талантливымъ выразителемъ этой мысли былъ Словакъ Людевитъ Штуръ (28 Октября 1815—12 Января 1856), находившійся въ ближайшихъ связяхъ съ Кузманіемъ.

Въ исторіи возрожденія Словаковъ Штуръ въ числѣ дѣятелей занимаетъ самое видное мѣсто. Богато одаренный отъ природы и умѣвшій запастись громадными свѣдѣніями и знаніями въ молодости, обладая при томъ замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія, Штуръ какъ бы былъ рожденъ для энергической дѣятельности среди Словаковъ въ періодъ сильнаго народнаго ихъ роста до 1848 г. Одинъ изъ его біографовъ и друзей Іосифъ Милославъ Гурбанъ такъ отзывается о немъ: „одна изъ его задачъ въ юности была находить людей для народа.“ *), Вся его дѣятельность была посвящена тому, чтобы будить народное сознаніе Словаковъ и вести борьбу съ Мадьярами. Онъ рано проникся идеями всеславянства и славянской взаимности, указываемой Колларомъ, а окружавшая его дѣйствительность лишь укрѣпляла его въ мысли о необходимости славянскаго союза и тѣснаго единенія Славянъ съ Россіею. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Штуру графъ Карлъ Зай, генеральный инспекторъ лютеранской церкви въ Угріи, убѣждаетъ его, что „болѣе всего необходимо омадьярить этихъ несознательныхъ (unbewussten) носителей славянской идеи, венгерскихъ Словаковъ: если съ этимъ замедлятъ, то скоро можетъ случиться, что русскій царь скажетъ подобно Людовику XIV не: il n'y a plus des Pyrenées, но: il n'y a plus des Carpathes,—и тогда не останется ничего другаго, какъ сказать: прощай! культурѣ, свободѣ, протестантизму“ **).

*) Slovanske Pohlady, 1881, стр. 62.

**) Slovanske Pohlady, 1881, стр. 542. Письмо графа Зая отъ 31 октября 1840 г.

Такія прямыя и откровенныя до цинизма заявленія одного изъ важныхъ чиновниковъ-Мадьяръ, въ простомъ письмѣ къ видному дѣятелю въ исторіи воскрещенія Словаковъ и ихъ литературы—о необходимости омадьярить Словаковъ и при томъ за ихъ предполагаемыя связи съ Россіей, конечно, могли лишь побудить Штура къ развитію болѣе активной дѣятельности.

Въ своемъ сочиненіи, относящемся къ этому же времени (1841 г.), еще ненапечатанномъ: Starý i nový věk Slovaků *), Штуръ такъ успакаиваетъ Мадьяръ относительно взаимныхъ симпатій Словаковъ и славянскаго сѣвера: „текутъ рѣки съ Карпатъ, шумятъ и, сливаясь въ одну, впадаютъ въ глубины морскія. И кто разумный станетъ проклинать рѣки Карпатскія, что онѣ шумятъ такъ, какъ шумятъ рѣки сѣвера? кто же будетъ такъ глупъ, чтобы думать, что рѣки Карпатъ привлекаютъ своимъ шумомъ рѣки сѣверныя, и что онѣ ихъ наконецъ притянутъ, чтобы онѣ залили своими водами эти предѣлы? Развѣ не всѣ рѣки шумятъ? развѣ это не прирожденный ихъ шумъ (hlas)? Стоятъ цѣпи горъ на югѣ, стоятъ онѣ и на сѣверѣ: тѣ извергаютъ огонь и лаву, а эти стоятъ спокойно и тихо. Какой же мудрецъ станетъ утверждать, что горы на сѣверѣ станутъ вулканами, потому что онѣ — также возвышенности, какъ и тѣ?...“ Но эти рѣки—славянскія рѣки, и ихъ теченіе сродно, а шумъ волжскихъ и днѣпровскихъ волнъ напоминаетъ Славянину звукъ паденія водъ Дуная...

Штуръ окончательно отдѣлилъ словацкую литературу отъ чешской, введя въ нее словацкое нарѣчіе, при томъ болѣе чистое, тренчанской столицы. Это возбудило въ свое время противъ него цѣлую бурю со стороны Чеховъ, вызвало и вызываетъ понынѣ укоръ со стороны Чешскихъ политическихъ дѣятелей **). Штуръ, оправдывая свою реформу, говоритъ, что Словаки по мѣстности ими занимаемой, и по языку составляютъ средину

---

*) Slovanske Pohl. 1882 г. стр. 46, 48.

**) Рѣчь Ригра въ „Чешскомъ клубѣ“ въ Прагѣ, произнесенная по поводу пріѣзда въ Прагу Самуила Томашика, автора пѣсни: Hej Slovanė. См. Pokrok за 1884 г. N отъ 1 и 2 Декабря.

славянскаго міра *). Но онъ имѣлъ въ виду и другое: онъ думалъ, что всѣ Славяне придутъ къ соглашенію на счетъ употребленія одного общаго языка для цѣлей науки и взаимныхъ сношеній. А въ такомъ случаѣ каждое изъ нарѣчій имѣетъ не только право, но и обязано создать свою мѣстную литературу, необходимую для образованія народа. Штуръ не раздѣляетъ сожалѣнія Шафарика о томъ, что церковно-славянскій языкъ не остался общеславянскимъ, ибо лишь теперь, когда всѣ славянскія нарѣчія развились въ извѣстной степени самостоятельно, возможно полное обнаруженіе всего богатства славянскаго духа**).

Въ замѣчательномъ трудѣ Штура, изданномъ въ русскомъ переводѣ съ нѣмецкой рукописи, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанной, проф. Ламанскимъ въ 1867 г.; „Славянство и міръ будущаго", онъ съ замѣчательной основательностью, знаніемъ и критикою разсматриваетъ современное ему положеніе Европы и ея жизнь и даетъ идеальный образъ, къ которому должно стремиться Славянство. Онъ находитъ въ жизни Россіи всѣ начала славянской старины, признаки силы государственнаго и народнаго организма и въ политическомъ объединеніи Славянъ подъ главенствомъ Россіи и Рускаго царя видитъ единственную возможность сохраненія Славянства. Онъ идетъ даже далѣе и требуетъ единства религіознаго: „о, возвратись къ намъ снова святая церковь нашихъ отцовъ, подавшая нашимъ племенамъ первое благословеніе съ высотъ Нитры, Велеграда и Вышеграда!", восклицаетъ онъ. По убѣжденію Штура, „восточная церковь была нѣкогда общая всѣмъ нашимъ племенамъ и есть ихъ истинное достояніе" ***).

Вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ, русскомъ, Штуръ рѣшаетъ самымъ положительнымъ образомъ. Развивая мысль, что каждая изъ славянскихъ литературъ, кромѣ

---

*) Nářečia Slovenskuo, alebo potreba pisania u tomto nareči. 1846. См. Slov. Pohl. 1882, стр. 544.

**) Ibidem стр. 545, 546 и сл.

***) Славянство и міръ будущаго, стр. 187 и 188.

русской, „не въ состояніи двинуть человѣческое развитіе“, Штуръ не видитъ выхода изъ затрудненія и въ „литературной взаимности“, такъ какъ она не можетъ „глубоко проникнуть въ жизнь всѣхъ племенъ“. Далѣе онъ говоритъ: „Славяне имѣютъ всѣ основанія обратиться къ одной литературѣ, и къ тому ихъ обязываютъ общечеловѣческія, политическія и историческія соображенія. О выборѣ этой литературы не можетъ быть никакого спора, если не хотятъ переливать изъ пустаго въ порожнее. За исключеніемъ русской, всѣ славянскія литературы ограничены небольшими племенами и, слѣдственно, небольшими областями. Слѣдовательно, при вопросѣ объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ можетъ быть выборъ только между древне-славянскимъ и русскимъ языкомъ. Но древне-славянскій языкъ уже вышелъ изъ общежитія, почти мертвый, лишенъ гибкости и увлекательности живаго языка, а мы нуждается въ живомъ словѣ. И такъ *остается только русскій языкъ*, какъ исключительно на то способный; ибо это языкъ величайшаго, единственнаго самобытнаго и на обширномъ пространствѣ земли господствующаго славянскаго племени, которому уже и безъ того по праву принадлежитъ главенство въ нашей народной семьѣ. Сверхъ того, изъ всѣхъ языковъ славянскихъ это самый богатый сильный и полнозвучный, запечатлѣнный могуществомъ; сербскій языкъ по этимъ качествамъ занимаетъ вторую за нимъ степень. Этимъ мы не хотимъ, однако, сказать, что, по принятіи Славянами общелитературнаго языка, уже ничего не надобно писать на отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, и преимущественно, напр., поэтическихъ произведеній. Но намъ ненадобно только оставаться при отдѣльныхъ нашихъ словесностяхъ. Русская литература и потому еще заслуживаетъ предпочтенія для принятія за общеславянскую, что ея азбука вполнѣ и безъ всякихъ затрудненій передаетъ на письмѣ славянскіе звуки, тогда какъ, напротивъ, другія славянскія литературы, за исключеніемъ сербской, съ трудомъ пользуются латинскою азбукою“.

Таковы рѣшительныя мнѣнія словака Штура, протестанта по вѣроисповѣданію и словацкаго патріота, основателя новой словацкой литературы!

Послѣ Людевита Штура много писалось о роли русскаго языка, какъ общеславянскаго на полѣ науки и взаимныхъ сношеній Славянъ, но никто не рѣшалъ вопроса съ такою рѣзкою опредѣленностью и послѣдовательною систематичностью *).

Русскіе ученые и выдающіеся писатели—публицисты, проводившіе въ общественное сознаніе славянскую идею, раздѣляли эту мысль о пользѣ и возможности примѣненія русскаго языка къ нуждамъ общеславянской науки и литературы. Старѣйшій изъ провозвѣстниковъ славянской идеи въ Россіи М. П. Погодинъ въ своемъ письмѣ къ Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову въ 1839 г., послѣ своего возвращенія изъ путешествія по Европѣ, такъ выражался по этому вопросу: „Русскій языкъ, по моему мнѣнію, такъ могуществeнъ и заключаетъ въ себѣ столько свойствъ, принадлежащихъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ порознь, что можетъ почитаться ихъ естественнымъ представителемъ, и самъ по себѣ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, рано или поздно, сдѣлается общимъ литературнымъ славянскимъ языкомъ, какъ у нѣкоторыхъ племенъ было прежде нарѣчіе болгарское, а въ западной Европѣ латинское. Всѣ нарѣчія должны прежде принесть ему дань своими словами, оборотами, формами, и слѣдовательно не надо сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтобы полнѣе стала Волга". Далѣе онъ указываетъ, что необходимо „водворить ученіе русскаго языка".—„Всякій Полякъ долженъ знать по русски", говоритъ онъ и указываетъ на великій

*) Для примѣра укажу на сербскую малоизвѣстную брошюру Орешковича: „Славенска задруга" (Бѣлградъ 1872 г.), въ которой авторъ, считая необходимымъ при рѣшеніи вопроса о политическомъ объединеніи Славянъ избрать русскій языкъ общимъ для славянской науки и взаимныхъ сношеній въ предполагаемой славянской федераціи, такъ выражается о томъ, кто бы этому былъ противникомъ: „кто не хочетъ, чтобы у насъ (Славянъ) общимъ языкомъ былъ русскій въ дѣлахъ, гдѣ этого требуетъ наша общность (заједница), тотъ не хочетъ и самаго единства, съ тѣмъ нечего и говорить. Пусть тотъ остается при своей племенной ограниченности, Славянство въ немъ ничего не потеряетъ" (стр. 29).

трудъ польскаго ученаго Линде, занимавшагося въ то время подготовкою сравнительнаго польско-русскаго словаря *).

Подобныхъ же мнѣній держится и большинство русскихъ писателей, касавшихся этого вопроса. Разница заключается лишь въ частностяхъ и несущественномъ **).

Но эта мысль о литературномъ объединеніи Славянъ, начало которой положено тысяча лѣтъ тому назадъ, хотя ея воскрешеніе произошло сравнительно недавно, не получила еще признанія во всемъ славянскомъ мірѣ, не пріобрѣла еще характера аксіоматической истины. Какъ всякая великая идея, она наталкивается на массы препятствій и вызываетъ множество недоразумѣній. Отраженіе этого мы можемъ найти въ сужденіяхъ, высказанныхъ представителями славянъ, съѣзжавшимися въ Москву на этнографическую выставку въ 1867 г., когда заходила рѣчь объ одномъ литературномъ языкѣ для славянъ. Въ то время, когда болгаринъ Богоровъ, говоря объ общей литературѣ славянъ, выразилъ мнѣніе, что для этой цѣли имѣется уже готовый языкъ—русскій, чехъ Dr. Ригеръ, указывая на примѣръ Грековъ, сказалъ, что „единства должно искать въ гармоніи частей", которой не мѣшаетъ славянское разнорѣчіе. Тогда же чешскій историографъ Палацкій предъ депутаціей студентовъ — филологовъ Московскаго университета, пришедшей его привѣтствовать, выразился такъ: „нѣтъ намъ пока большой нужды въ одномъ общемъ литературномъ языкѣ: мы и теперь понимаемъ другъ друга: но когда обученіе русскому языку войдетъ въ програму на-

---

*) Погодинъ. Историко-политическія письма и записки впродолженіи Крымской войны 1853—1856 г. Москва 1874 г. стр. 29.

** А. Н. Пыпинъ въ своихъ статьяхъ „Литературный Панславизмъ" (Вѣстникъ Европы за 1879 г. Іюль, Августъ, Сентябрь), отвѣчая въ заключительной главѣ на вопросъ, возможенъ ли всеславянскій литературный языкъ и желателенъ ли онъ, признаетъ его необходимость, при томъ такъ настойчиво, что безъ единства Славянъ въ одномъ общемъ языкѣ для взаимныхъ сношеній и науки славянскій міръ не имѣетъ будущаго. Г. Пыпинъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу признанія русскаго языка общеславянскимъ въ славянскомъ союзѣ.

шихъ школъ, тогда уже совершенно легко всѣ русскіе будутъ понимать чеховъ и всѣ чехи—русскихъ". Сербы Миличевичъ и Владанъ Георгіевичъ толковали о пользахъ взаимнаго изученія славянскихъ нарѣчій, указывая въ этомъ замѣну литературнаго единства у славянъ *). Очевидно, что если одни изъ славянскихъ представителей, вслѣдствіе естественныхъ опасеній и заботъ о судьбахъ родной рѣчи, лишь недавно примѣненной въ литературѣ, держались еще идеальныхъ мечтаній Коллара, то другіе откладывали рѣшеніе вопроса о литературномъ единствѣ у славянъ до дальнихъ будущихъ временъ. Впослѣдствіи Палацкій назвалъ даже сномъ мысль о всеславянскомъ языкѣ литературы и науки **).

Идея о всеславянскомъ литературномъ языкѣ находится еще въ періодѣ развитія и роста. Пора романтической эпохи славянскаго возрожденія миновала,—наступило время практическаго дѣланія, суроваго труда, медленнаго и настойчиваго, но за то болѣе плодотворнаго. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что между тѣмъ какъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, когда идея славянскаго единства еще выяснялась теоретически, мысль объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ занимала виднѣйшихъ представителей славянскаго міра и находила своихъ толкователей и даже пророковъ (какъ Штуръ), въ наше время теоретическая ея разработка какъ бы остановилась. Стало ясно, что политическая жизнь славянскаго міра переживаетъ критическіе моменты, и что наступила пора, когда всѣ мысли о развитіи славянскаго самосознанія и самостоятельной работѣ славянскаго духа должны быть примѣнены къ практикѣ жизни. Многое оказалось неисполнимымъ, а многое неприложеннымъ пока, но несомнѣнно ждущимъ своего времени для полнаго приложенія. Къ разряду такихъ идей принадлежитъ мысль о русскомъ языкѣ, какъ языкѣ общеславянской науки и взаимныхъ сношеній Славянъ между собою.

---

*) Всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ въ Маѣ 1867 г. Москва 1867 г. стр. 287, 301, 330, 331, 366.

**) Radhost. Т. III. стр. 310.

Русская литература и ея языкъ прокладываютъ себѣ путь не только къ славянамъ, но и къ народамъ западной Европы. Знаніе ихъ или по крайней мѣрѣ знакомство съ ними становится такъ или иначе обязательнымъ для человѣка науки и высшаго образованія. Если это дѣлается медленно, быть можетъ медленнѣе, чѣмъ бы могъ желать славянинъ, сознающій свою общность со всѣмъ славянскимъ міромъ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что развитіе великой идеи славянскаго литературнаго единства идетъ впередъ вѣрными шагами, и что остановить разъ начавшееся движеніе ея едва ли возможно какими бы то ни было ухищреніями враждебной политики и мысли. Дѣло пока ограничивается распространеніемъ знанія русскаго языка среди славянъ запада и юга и приложеніемъ, хотя и рѣдкимъ, этого знанія къ практикѣ въ области литературы и науки, а въ Россіи—расширеніемъ знакомства со славянами, ихъ нарѣчіями и литературами. Русская школа воспитала уже не одного славянина, а знаніе русскаго языка пріобрѣтается славянами уже и за предѣлами этой школы. Достаточно указать на каѳедры русскаго языка, существующія у западныхъ и южныхъ славянъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, и на кружки, образовавшіеся въ нѣкоторыхъ славянскихъ городахъ для изученія русской литературы и языка.

Разрѣшеніе вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ обыкновенно тѣсно связываютъ съ вопросомъ о политическомъ объединеніи славянъ. Шафарикъ, этотъ патріархъ нынѣшней славистики, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Коллару (отъ 1 Марта 1826 г.) говоритъ, что вопросъ о томъ, „какое изъ славянскихъ нарѣчій и которая изъ славянскихъ азбукъ станутъ всеславянскими, рѣшитъ уже не перо, а лишь мечъ: потоки крови выроютъ знаки буквъ,—тамъ, гдѣ ихъ всего болѣе потечетъ, тамъ возникнутъ всеславянскій языкъ и азбука“ *) Людевитъ Штуръ заканчиваетъ отдѣлъ о всеславянской роли русскаго языка въ своей книгѣ слѣдующими словами: „по само-

---

*) Časopis Českého Muzea, 1874, стр. 68.

любію людскому, нельзя ожидать, чтобы наши племена добровольно рѣшились на этотъ объединительный шагъ и, при нынѣшнемъ чужеземномъ господствѣ, никоимъ образомъ нельзя провести этой мѣры. Это великое дѣло рѣшится ко благу славянъ только подъ напоромъ важныхъ политическихъ событій. Между тѣмъ полезно пока возбуждать этотъ вопросъ, говорить объ этомъ предметѣ и приготовлять къ тому умы" *). Такого же мнѣнія держатся и многіе современные ученые и патріоты, писавшіе объ этомъ вопросѣ, какъ Данилевскій, Первольфъ, Будиловичъ **) и др.

Конечно, никто не станетъ отрицать того, что политическое объединеніе славянъ, въ какой бы формѣ оно не осуществилось, не только содѣйствовало бы успѣшному разрѣшенію вопроса о литературномъ единствѣ славянъ, но и прямо рѣшило бы его. Это путь самый простой и самый естественный. Онъ ясно указанъ Шафарикомъ, имѣвшимъ въ виду, конечно, Россію и русскій народъ, на который возлагались всѣ освободительныя надежды славянъ въ это время. Но это—не единственный путь для рѣшенія мирнаго, культурнаго вопроса.

Еще Колларъ, а за нимъ Матія Маяръ на примѣрѣ нѣмцевъ указывали, что политическое объединеніе славянъ не есть необходимое условіе для объединенія ихъ въ языкѣ науки ***). Если возможно было при самыхъ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ, даже при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было политическихъ правъ у славянскихъ народностей, подчиненныхъ Австріи и Турціи, расширеніе знакомства съ русской литературой и наукой и ихъ языкомъ, то едва ли возможно предполагать, что при извѣстной политической свободѣ, уже добытой славянами, изученіе русскаго языка славянами остановится и не получитъ дальнѣйшаго развитія.

---

*) Славянство и міръ будущаго, стр. 190.

**) Россія и Европа, стр. 456, Славянскій Сборникъ 2, III, 13. Slovanska myšlenka na Rusi—Osvěta. 1879, стр. 880—881.

***) Колларъ. О литер. взаимности Славянъ § 3; Маяръ: Узајемні правопис, § 8.

Русская наука и литература, развиваясь и расширяя свои области, съ каждымъ днемъ становится болѣе самостоятельною и независимою отъ западно-европейской. Самостоятельная критика, независимость въ изслѣдованіи и своеобразіе въ постановкѣ вопросовъ и взглядахъ создаютъ ей славу въ мірѣ и отводятъ особое и почетное мѣсто въ исторіи европейскаго просвѣщенія, а оригинальность творцовъ въ русской художественной литературѣ давно уже признана западною Европою. Міровыя задачи Россіи и русскаго народа, какъ славянскаго и какъ поставленнаго на предѣлахъ Европы и Азіи, ожидающей своего просвѣтителя, дѣлаютъ языкъ русскаго народа—языкомъ міроваго значенія по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это именованіе примѣняется къ языкамъ нѣмецкому, французскому, англійскому.

Если встрѣчаются помѣхи и теперь въ распространеніи знанія русскаго языка за предѣлами Россіи, то въ этомъ виноваты какъ традиціонныя опасенія Россіи въ западной Европѣ, такъ и естественное, впрочемъ, чувство опасенія малыхъ славянскихъ народностей утратить, что сдѣлано уже ими для развитія народной словесности. Но, по словамъ Тютчева:

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы—народъ единый,
Единой матери сыны!
Но все же братья мы родные....

Великая идея литературнаго объединенія славянъ, осуществленная въ эпоху дѣятельности славянскихъ апостоловъ, въ эпоху изобрѣтенія славянскихъ письменъ и переводовъ церковныхъ книгъ св. Меѳодіемъ и его учениками, сохранилась въ славянствѣ до нашихъ временъ и вновь возрождается независимо отъ внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ. Былобы болѣе, чѣмъ странно, полагать что литературное объединеніе славянъ уничтожитъ отдѣльныя литературы славянскихъ народностей: оно лишь ограничитъ ихъ область. Если бы даже разсматривать этотъ вопросъ въ наше время концентраціи великихъ народныхъ единицъ, какъ необходимое зло для славянъ, то, исходя изъ альтер-

нативы: или сохранять народную литературу и самобытность каждой изъ славянскихъ народностей, ограничивъ ихъ область въ пользу литературнаго объединенія славянства, или потерять и то и другое вслѣдствіе подчиненія чуждымъ культурнымъ вліяніямъ и чужой литературѣ—признаніе русскаго языка языкомъ общеславянской науки и литературы является меньшимъ зломъ.

Славянскій мыслитель и поэтъ Хомяковъ когда-то написалъ въ альбомъ одному изъ первыхъ проповѣдниковъ всеславянской роли русскаго языка, служившему этой идеѣ и на практикѣ, чеху В. В. Ганкѣ, обращаясь въ молитвѣ къ Богу:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

Хомяковъ говорилъ здѣсь о Россіи, но тамъ же онъ отмѣтилъ, что эта молитва у него и для всѣхъ славянъ.

Вотъ этотъ-то духъ сомнѣнія, недальновиднаго мелкопрактическаго разсчета, эгоизма и составляетъ среди славянъ одну изъ важнѣйшихъ помѣхъ для скораго осуществленія великой идеи литературнаго единства, завѣщаннаго первоучителями славянъ. Закончимъ прекрасными словами другаго великаго русско-славянскаго писателя, Константина Аксакова:

„О братья, плѣнъ тяжелый духа,
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ,
Всей силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!
Духъ братства, кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ
И скажемъ свѣту слово славы,
Еще не слыханное имъ!

Платонъ Кулаковскій.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*		*напечатано:*	*должно быть:*
6	4	сверху	Славянъ	Славянъ,
8	9	снизу	самого	самаго
10	1	—	они	онѣ
13	1	сверху	особешюсти	особенности
14	21	—	боснійскаго	боснійскаго,
24	8	—	взаимно	взаимно,
—	23	—	Узајемни	Узајемні
—	35	—	пропадаля	пропадала
26	16	—	*взаимио*	*взаимно*
33	27	—	Словацскомъ	Словацкомъ
38	8	снизу	малочисленная	малочисленна
43	1	сверху	искренный	искренній,
55	7	снизу	возрождается	возраждается

